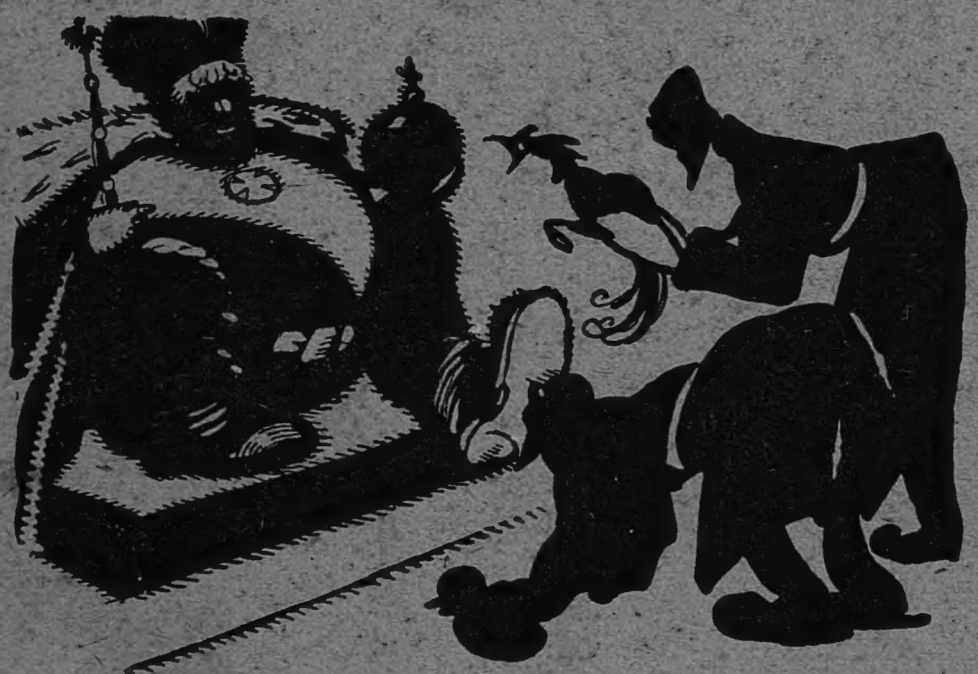
152/300

300

О. Л. Дор.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

при варягах и ворягах.



МОСКВА 1924 г.

300

О. Л. Д'ОР

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

„КНИГОПЕЧАТНИК“
Москва—1922 г.

Государ. публичная
Историческая
Библиотека РСФСР
№ 20773 1965

Р. В. Ц.—Москва. Вх. 1173. Гиз. 590. Тираж 2000.

3-я Типография М. С. Н. Х. при Наркомпроде.

Составил по заслуживающим и незаслуживающим доверия источникам.

О. Л. Д'ор.

Начало Руси.

I.

Славяне.

Люди с русыми волосами, серыми глазами и румяными лицами назывались славянами. Все же остальные назывались славянофилами и нео-славянами.

Славяне любили быть высокого роста и энергично тянулись головами к небу. С малорослых они отбирали подписку, в которой малорослый обязывался в известный срок вырасти и достигнуть известной нормы.

Когда же по истечении срока давшие подписку не вырастали, их ссылали на берега Днепра, где малорослые вскоре и основали свое собственное государство под названием Малороссия.

В отместку за ссылку малороссы и придумали пословицы „Высокий до неба, да дурний як треба“ и „Велика Федора да дура“.

Жили славяне на берегах рек, но им не запрещалось отлучаться от берегов и совершать прогулки вне черты славянской оседлости.

Занимались они ловлей невест, рыб и зверей. Первых, вторых и третьих было такое множество, что часто ловили их голыми руками и даже голыми ногами, ибо в летнее время славяне ходили почти голыми, каковое платье в те времена считалось весьма модным и щеголеватым.

Рыбу славяне жарили и варили. С зверей снимали шкуру и отпускали их на волю. Невесты в свою очередь сдирали шкуру с славян и отсылали своим родителям.

Последний акт назывался в е н о.

Характер славян представлял смесь хороших и дурных качеств.

С одной стороны они были храбры, но с другой стороны храбры не были, вследствие чего исход битвы зависел от того, с какой стороны к ним подходил неприятель—с храброй или не храброй стороны. Сражались они врассыпную, но, потеряв сражение, бежали дружной толпой и сомкнутыми рядами.

Иногда они прибегали к хитрости. Притворным бегством заманивали неприятеля в лес и оттуда больше не выходили, оставив таким образом неприятеля с носом в дураках.

С одной стороны они обладали чистыми душами и сердцами, но с другой стороны они обладали грязными телами, не знавшими цвета воды.

Славяне отличались большим гостеприимством. Гостю отводилось лучшее место в доме и отдавались лучшие куски. Позволялось даже украсть у соседа, чтобы угостить странника. Позволялось даже любимую жену отдавать гостю.

Но какой счет потом представлялся гостю, неизвестно историкам.

Должно быть, счет представлялся порядочный. Это видно из того факта, что к славянам нечасто ездили в гости.

Брак у них заключался без излишних проволочек.

Мужчина накидывал на голову понравившейся ему женщины мешок, связывал руки и тащил в свой дом; таким образом брак заключался с обоюдного согласия.

Еще меньше проволочек требовал развод. Например, отрубление головы у жены считалось достаточным поводом к разводу, и с первого же момента муж, отрубивший голову жене, считался снова холостым и мог беспрепятственно жениться на другой.

Религия у славян была простая и общедоступная. Они поклонялись всему, что Бог послал.

Увидят пень, и станут пред ним на колени. Поймают зверя, и давай перед ним молиться, прежде чем снимут с него шкуру.

Один пень сделал большую карьеру. Для него построили храм и наняли жрецов. Пню дали имя Перун и подчинили ему солнце, гром и все остальные божества.

Некоторые из славянских племен жили в городах и управлялись князьями.

Князья же неизвестно кем управлялись, и хотя некоторые историки уверяют, что они управлялись вечем, но им никто еще до сих пор не поверил.

II.

Происхождение Русского Государства.

Племя Русь в первый раз появилось в России в 862 году. Откуда оно появилось — никому не было известно.

Все в этом племени были беспаспортные и на расспросы летописцев давали уклончивые ответы.

— Мы происходим от Адама!—говорили одни.

Летописцы накидывались на свои пергаменты, чтобы записать эти слова. Но тут подходили другие из племени Р у с ь и не без лукавства замечали:

— Вас обманули, господа летописцы. Мы происходим от Евы.

И бедные летописцы тщетно ломали головы, стараясь угадать какой из этих двух разноречивых ответов можно считать верным.

Жили тогда славяне, следуя строго обычаям предков—в вечной ссоре и беспрерывной драке между собой.

Синяк под глазом или вывороченная скула, как у нынешних боксеров, считались почетными знаками и лучшим доказательством мужской красоты и отваги.

Несмотря, однако, на отчаянную отвагу, славяне всем платили дань, не желая, повидимому, отступать от преданий седой старины.

Северные славяне платили дань варягам. Южные—хазарам. Восточные — половцам. Западные — немцам. Юго-восточные славяне платили и хазарам и половцам. Северо-восточные платили и немцам и варягам.

Иногда северные славяне тайком от южных славян приносили дань хазарам; когда это обнаруживалось, южные славяне в долгу не оставались, и, выбрав ночку потемнее, отправлялись тайком от неверных славян к варягам и приносили им дань.

На этой почве у южных и северных славян весьма часто возникали войны, которые в большинстве случаев кончались вничью.

Южные славяне возвращались к себе на юг, сообщая всем по дороге:

— Здорово мы отколотили северных славян. Больше не сунутся с данью к нашим хазарам.

Северные же славяне всем по дороге рассказывали:

— Ну, и отдубасили мы южных славян! Будут знать, как платить дань нашим варягам.

В конце-концов славяне всех стран света так перессорились между собой, что вмешательство иностранных держав стало необходимым.

Славяне не стали ждать, пока чужеземцы придут в их страну, и сами позвали их к себе.

— Так-то почетнее будет! — сказали умные славяне. И отправили к чужеземцам послов.

III.

Призвание варягов.

Летописцы на основании не дошедших до нас рукописей так рассказывают о призвании варягов.

Славянские послы обулись в праздничные портянки и самые модные для того времени лапти.

Брюк в то время еще не носили; даже князья, управляя своими народами, оставались без брюк при исполнении своих княжеских обязанностей.

На плечи послы накинули по звериной шкуре. Взяли по котомке с хлебом и отправились к варягам.

Пришедши к варягам, послы потихоньку заглянули в шпаргалки, которые на всякий случай носили в кармане, и выпалили из Иловайского:

„Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами".

За знание истории варяги поставили послам пять, но потом приступили к деловому разговору.

— Зачем вам порядок?—спросили варяги.

Послы переглянулись и почесали затылки. Видно было, что к такому вопросу они совершенно не были подготовлены.

— Да как же без порядка!—стали они мямлить:—Нужен порядок...

— Зачем же нужен?

— Для порядка, значит, нужен. Сами знаете, без порядка какой же порядок?

Варяги засмеялись.

— Ну, хорошо,—сказали они.— Порядок нужен для порядка. А земля ваша, действительно, велика?

Послы оживились.

— Велика? Ишь -ты, чего захотели! Это только так для красного словца говорится. Куренка, к примеру сказать, и того выпускать некуда. Сейчас его либо половчанин схватит, либо хозарин унесет, либо к вашей милости на сковороду попадет. Совсем безземельные...

— А земля ваша, действительно, обильна?

— Обильна ссорами.

Заметив, что слова эти произвели на варягов нехорошее впечатление, послы бросились в ноги и завопили:

— Ваши благородия! Не оставьте нас, сирот. Вы наши отцы, мы ваши дети. Приходите учить нас уму-разуму.

После небольшого колебания варяги согласились принять власть над славянами.

Три брата Рюрик, Синеус и Трувор с дружинами пошли к славянам.

Рюрика приняли с удовольствием.

— Хоть и не рюрикович, — говорили про него послы,— но его потомки будут рюриковичами.

Синеуса приняли благосклонно.

— Усы выкрасим,— решили послы,— и он сделается черноусым.

Но насчет Трувора возникли трения.

— Пойдут от него тру-воровичи!—говорили послы,—а мы люди робкие. Растуруворуют нашу землю самым лучшим манером.

Но варяги шутить не любили, и пришлось уступить.

От труворовичей и пошли на Руси интенданты, приказные и хожалые и всякого рода воры и взяточники.

IV.

Олег.

Самым популярным из первых князей, попавших в историю, сделался Олег, впоследствии князь киевский.

О взятии этим князем Киева летописец Нестор со слов очевидца Иловайского рассказывает следующее.

Однажды Олег подплыл к Киеву со своей дружиной и спросил:

— Кто над вами княжит?

— Вот эти! — ответили равнодушно киевляне, указав на Аскольда и Дира.

— Вы княжите?—обратился к последним Олег.

Аскольд и Дир поняли, что отпираться уже поздно, и ответили:

— Так точно, мы!

— Ваши документы!

Аскольд и Дир побледнели, но быстро оправились и в свою очередь спросили:

— А у вас, г. Олег, документы есть?

— Есть. Вот мой документ.

При этих словах Олег поднял над головой своей малолетнего Игоря, сына Рюрика.

Аскольд и Дир хотели сказать Олегу, что в Киеве мальчик не только документом на княженье, но и простым метрическим свидетельством служить не может.

Но прежде, чем они успели открыть рот, Олег приказал убить их и похоронить на Аскольдовой могиле.

После этого Олег любезно осведомился у киевлян:

— Кому платите дань?

— Прежде платили хазарам...

— А теперь мне будете платить.

— Киевляне почесали затылки и робко сказали:

— Но хозары могут прийти и побить нас.

Олег рассмеялся.

— Эка важность, что побьют. Что у вас, первый раз? Побьют и устанут, а потом уйдут.

Киевляне увидели, что князь рассуждает логично, и решили:

— Будем платить ему дань.

Киев так понравился Олегу, что в порыве восторга он приказал ему:

— Будь матерью городов русских.

Сказав эти слова, Олег поселился в Киеве.

Киев же, несмотря на свою явную принадлежность к мужскому роду, не посмел ослушаться грозного князя и стал матерью.

Вскоре Олег покорил много народов, своих и чужих.

Однажды он подплыл на своих ладьях к самому Царьграду и, улучив удобную минуту, прибил свой щит к воротам города.

Греки на следующий день долго ломали головы, не зная, кто мог это сделать и зачем?

Наконец, они догадались:

— Должно быть, у этого доброго человека были два щита и один из них он тайно принес нам в дар.

И они решили остаться со щитом.

И еще много блестящих войн вел Олег, и еще много земель он завоевал.

Вообще этот воинственный князь не признавал чужой собственности и вещи своих соседей считал своими, за что и был назван Вещим.

О смерти Олега существует прекрасная легенда.

Один кудесник предсказал, что князь умрет от своего любимого коня.

Олег велел попрежнему кормить коня, но больше на него не садился. По возвращении из похода князь спросил:

— А где мой любимый конь?

Шталмейстеры смутились и ответили:

— И... и.. здох!

Смущение показалось подозрительным Олегу.

— Хочу видеть его кости!—лукаво усмехнувшись, сказал князь:—шкуру я его видел... на другом коне!

Шталмейстеры повели Олега на какой-то курган, с которого его принесли обратно мертвым. Последнее слово князя было

— „Змея!“

Из этого историки делают заключение, что Олег умер от укуса змеи.

Но опытные чиновники и киевские интенданты только улыбались наивности историков и об'ясняют инцидент с конем несколько иначе...

V.

Игорь.

Преемником вещего Олега был Игорь.

Этот князь был большим неудачником, и ни в чем ему не везло.

Он воевал с печенегами, но последние оказались воинами храбрыми, и князь Игорь терпел неудачи.

Предпринял поход на Византию, но неудачно. Греки укрылись под щитом Олега и оттуда поражали стрелами Игорево войско.

Вынужденный заключить мир с греками, он заключил его неудачно.

Греки и русские поклялись сохранить мир до тех пор, пока будет сиять солнце и стоять мир.

Но вскоре солнце перестало сиять, так как наступила осень, а миры перестали стоять, а начали вертеться вокруг своих осей, и война снова грянула.

Поехал князь собирать дань, но и тут ему не повезло. Подчиненные народы отказались платить дань, а древляне выкинули с князем совсем нехорошую шутку. Привязали его к вершинам двух пригнутых к земле деревьев и отпустили деревья.

Тут Игоря постигла последняя неудача. Его разорвало пополам, вследствие чего он умер.

После смерти Игоря жена его Ольга и малолетний сын Святослав остались без всяких средств к жизни, ибо дани он не собрал, а киевское княжество не могло считаться „средствами к жизни".

В самом деле, какие это были средства? Кто хотел, мог подплыть к стенам города и приказать:

— Платите мне дань!

И киевляне платили бы. Платить дань сделалось второй натурой у киевлян.

VI

Ольга.

Оставшись вдовой с малолетним сыном на руках, княгиня Ольга не растерялась.

— Не святые горшки обжигают!—сказала она.

И об'явила киевлянам:

— Буду вами править.

— Правь!—равнодушно ответили киевляне.

Ольга начала княжить именем сына. Узнал про это древлянский князь Мал и пришел в восторг.

— Вот это женщина!—воскликнул он:—настоящая женщина. Во что бы то ни стало хочу жениться на ней.

Древлянский князь, не теряя времени, послал к княгине Ольге послов и свою фотографическую карточку.

Узнав про сватовство Мала, княгиня Ольга сказала:

— Нет, я не из тех женщин, которые довольствуются малым...

Послам она послала сказать:

— Хочу, чтобы вы прибыли ко мне пешком, т. к. я не люблю пехоту, и не на лошадях, т. к. я состою членом общества покровителей животных.

— Что-ж,—ответили послы,—можем и на автомобилях...

Но когда послы прибыли, Ольга приказала их живыми закопать в землю, а сама написала древлянскому князю:

— Непрочных людей ты прислал ко мне, князь. Ни одного дня под землей прожить не смогли. Присылай других послов.

Мал отправил к Ольге вторую партию послов. Ольга сожгла их в бане и снова написала древлянскому князю:

— Все каких-то слабеньких людишек посылаешь. От одной спички сгорели твои послы. Пришли мне несгораемых послов!..

Почесал затылок Мал. Послы не были застрахованы, и убытки были немалы. Однако, скрепив сердце, послал третью партию послов.

Ольга перерезала их, а сама с войском двинулась на древлян и сожгла их главный город Коростень, который также не был застрахован.

Это окончательно разорило Мала, и он стал нищим.

Княгиня же Ольга после всего этого сделалась святой.

VII

Святослав.

Еще при Ольге стал княжить ее сын, Святослав,—это был очень храбрый князь. Он потерпел поражение от самого Цимисхия, императора Византийского.

У воинственного Святослава был только один недостаток. Он не мог хранить военных тайн.

Так, например, отправляясь в поход, он так громко и хвастливо кричал „Иду на вы!“, „Иду на вы!,“ что в конце-концов эти крики достигали до ушей неприятеля, и последний начнал принимать меры против внезапного нападения.

Наступал он, как свидетельствует летописец, с быстротою барса.

И не отступал с быстротою Кауль-барса *).

В поход не возил с собой ни возов, ни коров, ни салон-вагонов. И ни в каких случаях он не терял голову.

Однажды рать Святослава окружили сто тысяч греческих воинов. Святослав не растерялся, а сказал своей дружине:

— Ляжем костьми! Не посрамим земли русской!

Сказав эти слова, князь действительно всеми костьми лег на землю.

— Где твоя голова ляжет, - воскликнула дружина,—там и мы свои сложим.

И, отыскав голову князя, дружина положила рядом с ней свои головы.

Так они пролежали до тех пор, пока греческое войско не было побеждено и бежало в панике.

В конце-концов Святослав был вынужден заключить мир с греками.

Заключив мир, Святослав пожелал иметь свидание с императором Цимисхием.

Историк Лев Диакон (он был впоследствии рукоположен во священники) так описывает это свидание: „Іоанн Цимис-

*) Один из героев японской войны.

хий, весь в золотой оправе, под'ехал на коне к берегу Дуная. Вскоре показался в лодке весь осыпанный драгоценностями Святослав. На нем было деревянное весло, чуб и золотая серьга".

Цимисхий хотел поговорить с Святославом об иностранной политике, но раздумал и спросил:

— Хорошо у вас в нынешнем году рожь уродилась?

— Благодарю покорно!—ответил Святослав:—Рожь неважно уродилось. Да и на рогатый скот ящур.

Цимисхий сочувственно покачал головой.

По дороге в Киев Святослава и его дружину перерезали печенеги. Напав на Святослава, печенеги не знали, на кого они напали.

Когда печенежский князь узнал потом, что то был сам Святослав, то три дня дрожал со страха.

Из черепа Святослава печенежский князь впоследствии приказал сделать чашу и на юбилеях пил из нее шампанское.

VIII

Владимир Красное Солнышко.

Сначала Владимир был князь, как князь. Воевал, пил, пировал, убил брата; вообще вел себя по-княжески.

Но с течением времени он больше и больше превращался в Красное Солнышко.

Началось с того, что Владимир крестил свой народ и сам принял православие.

Летописец Нестор рассказывает об этом так:

С каждым днем народы все больше и больше притесняли киевлян. В конце концов русские все больше и больше стали терять в Киеве правожительство.

—Ничего не поделаешь, — сказали, вздохнув, киевляне,— надо креститься!

И в Киеве началось массовое крещение.

Прежде, чем принять христианство, Владимир долго выбирал религию, и много миссионеров из разных городов понаехало в Киев.

Первыми приехали евреи.

— Ваша страна где находится? — спросил их Владимир.

— Страны у нас нет!— ответили евреи:— У нас только есть черта оседлости.

— А где ваша „черта оседлости“?

—Там, где угодно министрам внутренних дел. Теперь наша „черта“—Вильно, Ковно, Бердичев...

— А Киев?

— Киев вне „черты“. Впрочем, министр внутренних дел обещал...

Владимир не дал евреям договорить.

— Не хочу я быть зависимым от министра внутренних дел. Идите с Богом.

— Позвольте, ваше сиятельство,— закричали евреи.—Ведь вы еще о религии нашей не спрашивали! У нас религия первый сорт. У нас многие брали...

Но Владимир ничего больше слышать не хотел, и евреи ушли. Пришли магометане. Владимир предложил им водки и закуску.

— Выпейте с дороги!—ласково предложил Владимир.—Выпейте и закусите ветчинкой! Водка своя, без акциза. Ветчина от собственной свиньи, свежая.

— Наша религия запрещает нам пить вино и есть свинину,— ответили магометане.

— Вот как!

Владимир задумался.

— Не подходит!—сказал он минуты через две:—Идите с Богом! Без свинины и водки—мы погибшая страна.

Не успели уйти магометане, как пришли католические патеры, которые в первый день своего приезда увеличили вдвое население Киева.

Владимир велел им также убраться.

Последними пришли миссионеры греческие, и что было дальше, всем известно.

Все киевляне, несмотря на то, что Реомюр показывал 15 ниже нуля, ринулись в Днепр, и через несколько дней многие из них сумели уже убедиться собственными глазами, что на том свете действительно существуют ад и рай...

Всех идолов Владимир приказал уничтожить. У Перуна к тому времени уже выросли золотые усы, и он был идолом в полном соку.

Это не спасло его от смерти... Бедного Перуна утопили.

После крещения Владимир стал добрым и ласковым. Женился на хорошей женщине, вместо деревянных ложек купил дружине серебряные ложки, пил только за здравие, и то лишь в высокоторжественные и праздничные дни.

С серебряными ложками случались часто инциденты, но князь не сердился и приказывал их выкупать из ломбардов или купить новые.

Народ же киевский, несмотря на открытый переход в православие, в душе еще долго оставался язычниками.

Многие из них тайно отправились на поиски несчастного Перуна и других богов.

Это были первые богоискатели на Руси.

Отчаявшись в поисках Перуна, некоторые из богоискателей взяли топор, пилу и рубанок и принялись строить нового Перуна.

Это были первые богостроители на Руси.

Владимира в народных сказках называют „Ласковым“ „Милостивым“ и „Красным Солнышком“.

Повидимому, уже в те времена солнце было красного цвета, неприятного для глаз многих, многих.

IX.

Ярослав Мудрый.

До Ярослава княжил брат его Святополк. По обычаю своего времени Святополк начал с убийства братьев, желая заслужить уважение народа.

Но ему не повезло!

Потому ли, что он перехватил меру, убив слишком много братьев; потому ли, что убийство брата перестало быть оригинальным и вышло из моды, но Святополк уважения не снискал, а наоборот, его прозвали окаянным.

Единственный брат, оставшийся в живых, Ярослав, прогнал с престола Святополка и сам стал княжить.

Ярослав имел некоторую склонность к крамоле. Женил сына на француженке. Дочь выдал за венгра. С инородцами не расставался.

Кончил он тем, что сочинил законы, которые собрал и напечатал в губернской типографии под названием „Русская Правда".

Министров юстиции тогда еще не было, и судьи имели полную возможность судить по существующим законам.

Но судьи были истинные патриоты. Они поняли, какой вред могут принести патриотическим идеям писанные законы, и за небольшое в о з н а г р а ж д е н и е они стали показывать, как можно обходить законы.

Один из судей, Шемяка, впоследствии на этом составил себе имя и сделался родоначальником целого поколения шемякинцев.

Когда „Русской Правде" исполнилось 1000 лет, большая группа юристов отпраздновала с помпой тысячелетие обхода писанных законов.

Пред смертью Ярослав учредил дошедшее до нас и столь популярное теперь Удельное Ведомство.

За это он был прозван Мудрым.

X.

Владимир Мономах.

Лишь только сошел в могилу Ярослав Мудрый, как истребленные печенеги под видом половцев начали совершать набеги на русскую землю.

В Киеве на столе сидел Всеволод I, который, как все Всеволоды, никаким умом и талантами не отличался.

Киевляне давно уже хотели снять Всеволода со стола и

посадить на стул, но не сделали это из уважения к его сыну Владимиру Мономаху.

Владимир Мономах носил постоянно тяжелую мохнатую шапку, которой нагонял страх на врагов.

При словах „шапка Мономаха" самые закоренелые половцы бледнели и бросались бежать.

Князья в это время не переставали ссориться. Был один князь Василько, который не хотел ссориться ни с кем, и это страшно возмутило князей.

— Это не по-товарищески! — с негодованием говорили князья—Все ссорятся, а он один не хочет ссориться.

— Белоручка! Лентяй! От-ссоры отлынивает!

Один из князей, Давид, не вытерпел и, пригласив к себе в гости Василька, выколол ему глаза.

— Теперь ступай!—сказал Давид, отпуская Василько.— Да не поминай лихом! Кто старое помянет, тому глаз вон...

Василько стал близоруким и всю жизнь потом носил очки.

Узнав про это, Владимир Мономах пришел в страшный гнев и приказал отнять у Давида его удел.

Оставшись нищим, Давид открыл ресторан, известный и доныне под названием „Давидка".

Между тем Всеволод Первый, несмотря на свою бездарность и неумение княжить, умер.

На киевский стол сел Святополк Второй. Несколько лет пришлось снова Владимиру Мономаху сидеть на стуле и ждать, пока новый великий князь ляжет на стол.

Когда это случилось, Владимир Мономах начал княжить в Киеве.

Любимым занятием князя было бить половцев и поучать делать добро. Однажды он разбил половецкое войско и взял в плен князя их Бедлюза. Владимир сказал ему:

— Почему вы не учите своих детей быть милосердными честными и не проливать крови?

И велел разрубить Бедлюза на части.

Других пленников, поучив добродетели, Владимир Мономах также приказал рассечь на куски.

Он же является продолжателем законодательной работы Ярослава Мудрого, при чем он внес в „Русскую Правду“ много изменений.

Главнейшие изменения были следующие:

1) За убийство из мести был установлен штраф.

Но штраф был до того ничтожный, что самый бедный человек, лишенный возможности ежедневно обедать, мог позволить себе дважды в день совершить убийство из мести.

2) Убийство пойманного вора не считалось убийством, но ворам закон запрещал попадаться, и воры никогда не обходили закон.

3) Проценты можно было взимать не больше ста, т.-е. приблизительно вдвое меньше, чем взимали потом в нынешних банкирских конторах.

4) Уличенный в игре на бирже или в имении онкольного счета подвергался потоку и разграблению—древнему правительственному и банкирскому способу наказания преступника.

Владимир Мономах не был чужд и литературы. Пред смертью он написал „Поучение своим детям“.

В поучении он сначала рассказывает о своих подвигах.

„Был,—пишет он,—на коне и под конем. На коне хорошо, а под конем плохо. Медведь однажды прокусил мое седло, от чего оно тут же в страшных мучениях скончалось, не оставив потомства. 83 раза меня бодал лось и метал на рогах буйвол. Живите поэтому, дети, в мире и любви.“

Дальше Владимир Мономах поучает детей:

„Не забывайте убогих, сирот, вдов“!

Дети Мономаховы, послушные отцу, всю жизнь не забывали вдовиц.

XI.

И прочие.

После Владимира Мономаха князья забастовали.

— Не хотим быть талантливыми! — заявили князья:— Слава Богу, не иноземцы.

Когда какой-нибудь князь начинал проявлять признаки даровитости, остальные князья об'являли его штрейкбрехером и подсылали к нему убийц.

2*

Так был убит обвиненный в талантливости Андрей Боголюбский.

Впоследствии оказалось, что произошла судебная ошибка. Слухи о талантливости Андрея Боголюбского были сильно преувеличены.

Этот князь был более себялюбив, чем храбр, и стремился больше к завоеванию своих народов, чем чужих.

С чужими народами он часто обращался по-человечески, в особенности с теми, которых ему не удалось завоевать.

Со своими же народами он не церемонился, что его нынешние потомки Петр и Павел Долгорукие, принадлежа к конституционной партии, тщательно скрывают.

Остальные князья, а с каждым годом их становилось все больше и больше, проводили время в ссоре друг с другом и в придумывании себе приятных сердцу кличек.

Один называл себя „Храбрым"; другой—„Удалым"; третий—„Отчаянным"; четвертый—„Бесстрашным"; пятый—Богатырь" и т. д.

Народ не мешал князьям ссориться, так рассуждая:

— Чем больше князья будут заняты ссорами, тем меньше будут заниматься нашими делами.

Тогда еще не существовала пословица „паны дерутся, а у хлопцев чубы трещат".

Чубы трещали у ссорившихся князей. Суздальские князья трепали чубы владимирским князьям; владимирские—суздальским. Киевские князья трепали чубы и тем, и другим и, в свою очередь, подставляли чубы новгородским князьям.

Ростовские князья долгое время ходили без работы, но потом присоединились к суздальским князьям, вместе с ними трепали чужие чубы или давали трепать свои.

Много князей от чуботрепания за весьма короткое время облысели, как колено, и сделались родоначальниками балетоманов и вообще мышиных жеребчиков.

Не мешал также народ князьям называться „Удалыми" и „Бесстрашными".

— Пусть называются!—говорил, улыбаясь, народ.

И добавлял добродушно:

— Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не рубило головы.

Самая крупная ссора произошла между Торжком и Новгородом из-за Макарьевской ярмарки.

Торжок, славящийся своею обувью, ни за что не хотел приезжать на ярмарку.

— Если ты ходишь без сапог,—говорил Торжок,—то и приезжай ко мне! Обую. А таскать свой товар к тебе не стану, Сапоги вещь нежная и самолюбивая. Принесешь деньги, возьмешь сапоги.

Но Новгород ни за что не сдавался.

— При мне,—говорил он,—деньги, при тебе товар. Хочешь получить деньги, потрудись ко мне на ярмарку.

Сторону сапог приняли князья Ярослав и Юрий, а за Новгород вступился Мстислав Удалой.

Понятно, что раз вмешались князья, война стала неизбежной.

Макарьевская ярмарка одержала верх над сапогами и обратила их в бегство.

Князь Юрий, ставший грудью за сапоги, еле спасся в одной рубашке.

Торжок смирился и в знак покорности стал величать Новгород „господином“. Потом это вошло в обычай и все, обращаясь к Новгороду, говорили:

— Господин Великий Новгород!

И на простой и на заказной корреспонденции Новгороду писали на конверте:

„ЕВБ. Господину Великому Новгороду“.

После чего следовали наименования улицы и дома.

Князей с „именами“ у новгородцев не было, и в историю пришлось принимать всех.

XII.

Вече.

Существует легенда, что Новгород управлялся вечем.

По словам легенды, к слову сказать, ни на чем не основанной, управление происходило так.

Посреди города на площади висел колокол. Когда у новгородцев появлялось желание посчитать друг другу ребра и зубы, они приходили на площадь и принимались звонить в колокол.

Моментально площадь покрывалась народом. Ремесленники, купцы, приказные, даже женщины и дети бежали на площадь с криками:

— Кого бить?

В миг начиналась всеобщая, прямая, равная, тайная и явная потасовка.

Когда драка переходила в поножевщину, князь высылал своих людей и разнимал дерущихся.

Очень часто, говорит легенда, доставалось самому князю.

Возмущенные нарушением своих прав—свободно сворачивать друг другу скулы—новгородцы кричали князю:

— Уходи, ваше сиятельство! Не мешай свободным людям ставить другу другу фонари!

Но князь не уходил, а уходили с площади сами новгородцы.

— Уходим, потому что сами так хотим!—говорили гордо новгородцы.—Не захотели бы и не ушли.

— Ладно! Ладно!..—отвечали князевы люди, подбадривая новгородцев ударами в спину:—Поговорите еще!..

Действительно ли существовало когда-либо в Новгороде вече, трудно установить. Иностранные ученые склонны думать, что вече существовало.

— Но,— добавляют они, —звонить в вечевой колокол имел право только князь новгородский, а чтобы никто из новгородцев не мог звонить в колокол, возле него был поставлен городовой.

Монгольское иго.

I.

Однажды на Руси раздались крики:

— Халат! Халат! Ш у р у м-б у р у м! Казанскэ мылэ!

Русские побледнели.

— Что бы это означало?— спрашивали они, перепуганные друг друга.

Кто то, стуча от страха зубами, догадался:

— Это нашествие татар...

Как бы в подтверждение этих слов, еще резче, еще гром че прозвучало:

— Халат! Халат! Казанскэ мылэ...

Россияне переполошились.

— Надо сообщить князьям.

Подбежали к князьям, которые в эту минуту были заняты весьма важными государственными делами.

Мстислав Галицкий только запустил обе руки в волосы Мстислава Черниговского и старался пригнуть его к земле.

Мстислав Черниговский не имел времени обороняться, т. к. обе руки его были заняты в драке с Мстиславом Киевским.

Мстислав Киевский с своей стороны отражал удары Мстислава Черниговского и в то же время старался сесть верхом на Мстислава Галицкого.

Насилу розняли князей и сообщили о нашествии татар.

— Эх, косоглазые черти! — выругались князья. — И подраться, как следует, не дали. А драка так хорошо наладилась.

Однако, делать было нечего. Нужно было немедленно принять экстренные меры.

— Халат! Халат! — уж совсем близко послышался татарский боевой клич.

— Ишь заливаются!—с досадой проворчали князья:—Должно быть сам Темучин так старается.

Князья сели совещаться.

— Я придумал!—сказал князь Галицкий.

— Что придумал?

— Придумал верное средство против татар.

Князья стали торопить его говорить скорее.

— Скажу,—сказал князь Галицкий,—но с условием.

— С каким условием? Скорее говори!

— С таким условием, чтобы на это средство мне одному был выдан патент.

— Хорошо пусть так! Какое же это средство?

Князь Галицкий откашлялся и сказал:

— Я предлагаю, чтобы на воротах каждого города сделать надпись „Татарам и тряпичникам вход воспрещается". Посмотрят татары на надпись и отойдут, не солоно хлебавши. Нравится вам моя мысль?

Князья задумались.

— Нравится-то нравится?—заговорил первый князь Киевский,—да заковыка вот в чем.

— В чем?

— Заковыка в том, на каком языке сделать надпись.

— Конечно, по-русски.

— Тогда татары не поймут и будут продолжать наступление.

— В таком случае по-татарски.

— А по-татарски у нас никто не грамотен.

Пришлось отклонить совет князя Галицкого.

— Придется воевать!—печально заметил князь Киевский.

— Да, ничего не поделаешь!—согласился князь Черниговский:—что-ж, драться для нас дело привычное.

— Так—драться, а то воевать!—сказал князь Галицкий:—это две большие разницы, как говорят в Одессе.

Решено было соединиться силами и пойти навстречу врагу.

II.

Битва при реке Калке.

Пред битвой татары прислали к русским князьям послов.

— Мы вас не тронем, и вы нас не трогайте,—сказали

послы:— Мы пришли наказать половцев. Они у нас служили в конюхах и ушли, не предупредив, как полагается по закону, за две недели вперед. Кроме того, еще уздечку украли. Не мешайте нам их проучить!

Князья, услышав это, подумали:

— Ага, испугались нас, проклятые басурмане!

И сразу, осмелев, ответили:

— Знать вас не хотим. Убирайтесь лучше, пока целы.

Некоторые из воевод подняли полы свои, скрутили из них свиное ухо и, показывая его татарским послам, дразнили их:

— Хотите свинины?

Послы от свинины отказались, и их убили, а князья с войском двинулись вперед.

На реке Калке встретили татар.

— Стройся!— скомандавал князь Киевский.

Воины стали строиться. Это обидело князя Галицкого.

— Почему он первый стал командовать!—разозлился он.

И назло князю Киевскому он скомандовал:

— Ружья вольно!

— На пле-э-чо-о!—скомандовал назло Киевскому и Галицкому князьям князь Черниговский.

Татары в это время выстроились и стали готовиться к нападению.

— Вперед!—приказал князь Киевский.

— Налево ма-ары!—назло приказал князь Черниговский.

— На-аправо!!! — на-зло обоим крикнул во весь голос князь Галицкий.

Послушное войско сделало шаг вперед, потом шагнуло налево, потом направо и остановилось.

Татары начали наступление.

— Пли!—раздался голос князя Волынского.

— Я тебе покажу „пли“,—злобно прошептал князь Киевский.

И зычно прозвучал его голос:

— В штыки!

— Закидай шапками!—прозвенел голос князя Галицкого.

Войско не знало, что делать, и поминутно хваталось то за штыки, то за шапки, то за курки.

Прежде, чем князья успели отдать в третий раз команду, татары разбили их войско и захватили их самих в плен.

Проголодавшиеся татары положили их под доски и сели на них обедать.

Было скверно под досками. Татары ели много и к концу обеда так отяжелели, что кости у князей хрустели под их тяжестью.

— Ты виноват!—прошипел князь Волынский князю Киевскому:—

— Ты командовал „в штыки", когда я командовал „пли". Эх, ты—Суворов...

— Нет, ты виноват!—свирепо ответил князь Киевский:—ты должен мне повиноваться, потому что Волынь числится в Киевском генерал-губернаторстве, а не Киев в волынском.

— Вы все виноваты!—еле выдавил из себя князь Галицкий:—Разве можно было командовать „налево", как это сделали вы? „Направо" нужно было.

— А ты помалкивай! — посоветовал князь Волынский. — Тоже Наполеон выискался.

— Как смеешь разговаривать со мной таким тоном?

Князья хотели сцепиться в рукопашную, но доски с сидевшими на них татарами помешали этому.

Словесная же междоусобица продолжалась до тех пор, пока татары, с'ев сладкое, превратились в стопудовые гири и раздавили на смерть князей.

Последние слова их, обращенные друг к другу, были:

— Киевская галушка!

— Черниговский пошехонец!

— Волынская щетина!

III.

Нашествие Батыя.

Истощив все казанское мыло и другие с'естные припасы, татары ушли обратно в Азию.

— Больше не придут!—уверенно заявили новые князья.

— А почему не придут?—спрашивали скептики.

— Так. Нечего им тут больше делать.

— А, может быть, снова захочется воевать?

— Не захочется!

Люди благоразумные советовали:

— Укрепиться бы нам теперь, как следует. Подготовиться по-людски. А то снова придут и голыми руками возьмут нас.

Но князья и слышать не хотели.

— Наши отцы и деды жили неподготовленными к войнам, и мы проживем.

Нашлись люди, которые доказывали, что так жить нельзя, но людей этих сажали в тюрьмы.

Тринадцать лет татары ждали, чтобы русские приготовились к войне, но, не дождавшись, со злости снова двинулись на Русь.

На этот раз татары приехали со своими семействами, родственниками и знакомыми.

— Всем тут места хватит!—любезно говорил всем Батый, новый начальник татарской орды.

Князья снова собрались на совещание, но, пока они совещались, Батый воевал.

И в тот день, когда князья выработали блестящий план защиты, он оказался уже излишним, т. к. все земли русские уже были в руках Батыя.

— Опоздали малость!—говорили с досадой князья: — Не могли подождать косоглазые дьяволы!

В битве каждое княжество показывало чудеса храбрости и презрения к смерти.

Батый после каждой битвы с изумлением говорил своим приближенным:

— Этаких храбрецов в жизнь не видал! Если бы хоть мы наполовину были так храбры! Мы бы весь мир завоевали.

Один Евпатий Коловрат, рязанский Поддубной, истребил половину татар и не успел истребить второй половины только потому, что не во время был убит татарином.

Под Новгородом татары потеряли почти все войско и после больших усилий взяли его приступом.

Покорение Киева обошлось татарам так дорого, что Батый воскликнул:

— Еще одна такая победа, и я останусь без войска!

Взяв Волынь, Батый увидел себя одного без воинов, т. к все пали в битве.

Он стоял, окруженный многочисленными семействами татар.

— Чем я их кормить буду?—задал себе вопрос Батый.

И, схватившись за голову, он закричал:

— Вар, Вар! Отдай мне мои легионы!

Несмотря однако на отчаянную, почти нечеловеческую храбрость, которую оказали русские, татары победили их и, обложив приличной данью, отправились в Венгрию и Польшу

Но в Моравии татары встретили трусливое и никуда не годное войско, и, потерпев страшное поражение, Батый воротился назад.

Про осаду Киева, между прочим, рассказывают следующее.

Пред тем, как отправиться на приступ, Батый отдал приказ:

— Женщины и дети, орите!

Женщины и дети подняли такой гвалт, что киевляне как бы оглохли и не слышали шума от приступа.

Сами же татары заложили уши ватой и стали на стены лезть. Потом начали разбивать ворота бревнами. Но бревна разбивались, а ворота оставались целы и невредимы.

Тогда Батый приказал.

— Достаньте мне несколько членов союза русского народа!*)

*) При царском строе была такая ультрамонархическая партия.

С опасностью для жизни татарским удальцам удалось достать из за стен несколько союзников.

Батый приказал употребить их в дело вместо бревен. Не прошло и часа, как союзные лбы превратили киевские ворота в решето.

Батый велел выдать союзникам по рублю и по чарке водки.

— Теперь можете итти!—сказали им, когда ворота были разрушены.

Но союзники пожелали остаться у татар.

— Вы погромщики, и мы — погромщики, — сказали они татарам:—Мы отлично сойдемся.

А Батыю они сказали:

— Будь нашим атаманом! Вместе будем собирать дань и не давать отчета.

Батый согласился.

После этого Киев был разграблен, и, подобно толмачевской Одессе, превращен в груду развалин.

IV.

Золотая орда.

Князья думали, что Батый, повоевав, уедет обратно в Азию и займется снова торговлей.

Но Батый не поехал в Азию, а построил себе сарай и поселился в нем.

Князья стали ездить в сарай на поклон.

Сначала им это было неприятно

— Сидят какие-то халатники,—рассказывали князья,—а ты им кланяйся!

Но с течением времени они привыкли и даже решили, что ездить в сарай выгодно.

— Поклонишься ниже хану, а он тебя за это наистаршим сделает.

— А принесешь подарочек, и всех твоих врагов в порошок сотрет.

Действительно, татары были очень падки на подарки и любили, чтобы им кланялись пониже.

Вот что рассказывают про посещение татарского хана Данилом Галицким.

Сначала Даниил хотел свергнуть татарское иго и заменить его папским игом.

— Хочу быть католиком!—писал папе Даниил Галицкий,— спаси меня от татар, и я со своим народом перейду в католичество.

Папа обрадовался, прислал Даниилу королевскую корону и обещал молиться.

К сожалению, татары, по своему невежеству, больше боялись хорошо вооруженных людей, чем молитв, и ига своего с русских не сняли.

Папа стал проповедывать крестовый поход. Но и на земле, как и на небе, папе оказали непослушание.

Тогда Даниил сказал:

— Два ига нести хочу.

И написал папе, что раздумал переходить в католичество.

— Так отошли королевскую корону!— потребовал папа.

— Никакой короны я у вас не брал!—ответил Даниил.—Не знаю даже, про что вы говорите.

Так в первый раз папа римский помолился себе в убыток.

Данил же стал ездить в орду. Вот как описывают его первое путешествие.

В'ехав в сарай, Даниил увидел кумысное заведение. На вывеске были нарисованы кобыла и жеребенок, под которыми красовалась надпись: „Батый и сын".

Князь понял, что это заведение принадлежит самому хану, и вошел в него.

— Данило,—сказал Батый,—отчего ты так долго к нам не ехал?

— Не знал, где вы живете,—ответил Даниил.

Батый помолчал.

— Кумыс пить будешь?—спросил хан.

— Буду!—ответил Даниил.—Врачи велели пить. Если недорого возьмешь, буду у тебя пить.

Батый подал бутылку кумыса.

— У меня лучший кумыс!—похвалил он.—Попьешь его и поправишься

— Пойду теперь к ханше,—сказал Даниил.

— Иди!—сказал Батый.

Ханша приняла ласково князя, дала поцеловать ручку и с обворожительной улыбкой сказала:

— Купи, князь, халат!

Князь купил несколько халатов и выдал чек на государственный банк.

Ханша повертела чек в руках и сказала:

— Не привыкли мы к этим бумажкам. Лучше уступлю немного, но чтобы наличные.

Князь заплатил наличными.

25 дней пробыл в орде Даниил. Здоровьем он очень поправился и халатов накупил тьму. Но грусть не сходила у него с лица.

— Не люблю татар, даже кумысом угощающих и халаты продающих!—говорил князь.

Даниил Галицкий по приезде домой с горя разбил литовцев и поехал в гости к венгерскому королю.

После него князья еще долго продолжали ездить в батыевский сарай. Татары отлично торговали.

V.

Дань.

Часто, не меньше одного раза в год, татары присылали своих послов собирать с русских дань.

Послы (баскаки) ходили по дворам и брали все, что плохо лежало, ничем не брезгая.

Увидят веревочку, и веревочку берут; увидят хорошо или даже плохо выпеченный хлеб—и сейчас в торбу.

Баскаки очень не любили, когда им не позволяли брать того, что им понравилось, и убивали скупых.

Русские, по свойственному им добродушию, смотрели на шалости татар сквозь пальцы.

— Пусть берут, если им нравится! — говорили русские:— им, вероятно, нужнее, чем нам.

А когда баскаки нечаянно спроваживали кого-нибудь на тот свет, народ только удивлялся и говорил:

— Берут хлеб—это еще понятно. Хлеб можно с'есть и насытиться. Но жизнь наша им зачем? Разве выручишь что-нибудь за человеческую жизнь? Чудаки эти татары! Берут вещь, которая им никакой пользы принести не может.

В первые годы татары сдали русские земли в аренду откупщикам.

Прославились тогда имена знаменитых откупщиков Губонина, Терещенко, Полякова и др.

Но потом князья сами стали собирать дань для татар.

Больших барышей князья не получали, но в убытках тоже не были.

VI.

Александр Невский.

В то время прославился Новгородский князь Александр Невский.

— С татарами нам не справиться! —сказал этот воинственный князь:—А бить кого нибудь надо. Начнем бить шведов и ливонских рыцарей.

— На безрыбье и рак рыба! На бесптичье и Бальмонт соловей!—согласилась дружина.

Ливонские рыцари тогда жили недалеко от шведов. Это был храбрый народ, который воевал, молился, интриговал.

При посвящении в рыцари посвящаемого клали на землю и обшивали толстой железной броней с ног до головы. Возле рта только оставлялось отверстие, через которое рыцарь принимал пищу.

Рыцари становились совершенно похожими на паровики с той только разницей, что паровики приносили пользу, а ливонские рыцари никакой пользы не приносили.

Рыцари никогда не вступали в брак, но с каждым годом их население увеличивалось, и не мало ливонят бегало в домах самых строгих рыцарей.

— Это нам Бог посылает за благочестие!—говорили набожные рыцари.

Узнав о тайном решении Александра побить их, ливонские рыцари высадились на Чудское озеро и построились там свиньей.

Александр, увидев это, перехитрил их—построил свое войско свинобойней.

Ливонцы потерпели поражение и побежали.

Еще большую победу одержал Александр над шведами.

Под начальством Биргера шведы высадились на южном берегу Невы.

Шведская партия в Финляндии, а также Лео Мехелин и сам Свинхвуд вошли в тайные сношения с Биргером.

Александр Невский не дал врагам соединиться и напал на шведов.

Рассказывают, между прочим, следующую легенду.

Накануне битвы к лагерю Александра подплыли в лодке петербургский городской голова и товарищ его.

— Сим победиши! – сказали они Александру, указывая на невскую воду.

Александр понял намек и велел немедленно убрать плакаты с надписями „Не пейте сырой воды"!

Шведы без боязни принялись пить сырую невскую воду и чрез несколько дней скончались от холеры.

После побед над шведами и Ливонским орденом Александр получил названье Невского.

Когда он умер, Киевский митрополит воскликнул:

— Зашло солнце земли русской!

Духовная цензура зачеркнула эти слова.

Московское княжество.

I.

С первого дня своего основания Москва была кадетскою т. к. была основана одним из лидеров этой партии князем Долгоруким по директиве Ц. К.

Но мало-по-малу она правела. Сначала перешла к октябристам, которые сильно принизили ее значение. Потом Москвою завладела торгово-промышленная партия, представителем которой в то время был Иоанн Калита.

Прозвали его Калитой за то, что он постоянно ходил с открытым кошельком (калита) и каждую минуту туда что-нибудь вкладывал.

Увидит, что какой-нибудь князь зазевался, а Калита уж тут как тут и хлоп его землю в калиту.

Рассердится хан на сборщика дани и велит отрубить ему голову, а Иоанн Калита сейчас к хану:

— Буду собирать вместо него дань.

Был даже слух, что для увеличения своих доходов Иоанн играл на бирже.

Тратил Иоанн Калита очень мало, т. к. был скуп и берег деньги. Его любимой поговоркой было:

— Я не Ротшильд! Мне нужны деньги на дело.

На накопленные деньги Иоанн строил дома и украшал Москву.

Для привлечения жителей в Москву были построены Художественный театр, Станиславский и Федор Шаляпин.

Сыновья Иоанна Калиты уже были полновластными хозяевами всей Руси и обращались свысока с удельными князьями.

Особенно прославился внук Иоанна Калиты Дмитрий Донской.

II.

Куликовская битва.

Дмитрий Донской задумал свергнуть татарское иго.

Когда приехали татарские баскаки за данью, Дмитрий их любезно принял и вежливо спросил:

— Чем могу служить?

— За данью приехали,—ответили баскаки.

— За данью? За какой данью?

Баскаки баскакнули от удивления чуть не до потолка.

— За обыкновенной данью,—сказали они, начиная сердиться.—Хану деньги нужны.

— Если хану деньги нужны, пусть идет работать. Всех нищих не накормишь. Так и скажите хану! Кажется Мамаем его зовут?

Баскаки повернулись к двери.

— Подождите,—остановил их князь:—Я забыл вас повесить.

Баскаки остановились и были повешены.

Когда Мамай узнал про это, он так рассвирепел, что потерял дар слова и три дня только топал ногами.

Чрез несколько дней он собрал свою орду и пошел на Москву.

Дмитрий Донской пошел ему навстречу.

Войска рвались в бой, горя желанием поколотить „сыроядцев".

Пред битвой князья стали умолять князя не рисковать жизнью, но Дмитрий Донской сказал им:

— Мне жизнь не дорога. Вот, если бы моего любимца Михаила Бренка спасти от смерти.

Вдруг прекрасная мысль озарила голову Дмитрия Донского.

— Михайло!—позвал он Бренка.

— Что, князь, прикажешь?

— Сними с себя простое платае воина и надень мое дорогое великокняжеское платье! Я хочу, чтобы на тебя татары меньше обращали внимания. Я же надену твое.

Михаил Бренко пытался возразить:

— Князь, ведь в твоем платье я буду больше заметен...

— Делай, что тебе приказывают!—ответил князь.

Надев платье своего любимого боярина Бренко, Дмитрий лег под ветви срубленного дерева.

Между тем татары бросились в бегство. Сам Мамай бежал впереди всех, выкрикивая неприятные для Магомета слова.

Причину татарского бегства об'ясняют двояко.

Историки говорят:

— Причиной бегства послужил засадный полк, который бросился на татар неожиданно.

Летописцы же утверждают:

— Не храбрость была здесь причиной, а вмешательство небесной силы. Когда русские побежали, ангелы стали поражать татар.

Люди трезвые склонны больше к тому, что летописцы правы.

В самом деле, без ангелов трудно побеждать княжескому войску...

Когда кончилась сеча, Дмитрий вышел из-под срубленного дерева и, убедившись, что он не ранен, стал принимать поздравления.

Река, на берегах которой произошла знаменитая битва, в честь Дмитрия Донского была названа Доном.

III.

Свержение ига.

Однако нахальство татар не имело границ.

Несмотря на явное поражение на Куликовом поле, они ига своего не сняли, а наоборот усилили его.

Мамая сверг с престола Тохтамыш и сам стал править татарами. Мамай бежал в Крым, где был изловлен и выдан Тохтамышу.

Тохтамыш убил Мамая и пошел на Москву, чтобы наказать Дмитрия Донского.

Но Дмитрий Донской перехитрил глупого хана. Узнав о его приближении, он покинул Москву, сказав народу:

—Уж вы сами как-нибудь справитесь с Тохтамышем, а мне некогда. Я очень спешу.

Напрасно Тохтамыш заглядывал под все срубленные деревья, Дмитрия Донского нигде не могли найти.

Народ московский не справился с Тохтамышем и за это был почти весь изрублен татарами.

Вернувшийся потом в Москву Дмитрий Донской укорял москвичей.

— Эх, вы трусы!—говорил он с негодованием:—с какими-то татарами справиться не могли. Только то и умеете делать, что линючим ситцем торговать. Аршинники! Самоварники!

Свержение татарского ига произошло только чрез сто лет при помощи татар.

Случилось это при княжении Иоанна Третьего, которому удалось поссорить двух ханов Ахмата и Менгли-Гирея так, что они друг о друге слышать не могли.

Крымскому хану Менгли-Гирею Иоанн как-то сказал:

— Знаешь, какой слух распустил про тебя хан Ахмат?

— Не знаю. Говори!

— Он говорит, что ты в молодости был в Ялте проводником и обирал московских купчих.

— Я—проводником!

Менгли-Гирей покраснел от гнева.

—Я ему покажу, какой я крымский проводник, трубите войну!

Крымская орда поднялась, как один человек, и пошли на золотую орду.

Ордынскому же хану Иоанн сказал:

— Ты не знаешь, что говорит про тебя крымский хан Менгли-Гирей...

— А что он говорит?

— Он говорит, что ты в кумыс кладешь толченый мел, и уверяет, что не избежать тебе полицейского протокола.

— У меня кумыс с мелом!

И, кипя гневом, Ахмат закричал:

— Орда, вперед!

Обсудив положение вещей, Иоанн по дороге пристал к Менгли-Гирею.

Долго искали противники реку. В те времена был обычай воевать только на берегах реки, это было то же самое, что теперь танцовать от печки.

Нашли, наконец, реку Угру и стали по сторонам. Менгли-Гирей с русскими на одном берегу, а Ахмат на другом.

— А ну-ка, пожалуйте сюда!—грозно звал на свой берег Ахмат:—мы вам покажем полицейский протокол.

— А, боитесь переправиться!—ехидничал Менгли-Гирей:—Милости просим. Мы вам покажем московских купчих.

— Так его! Так его!—подзадоривали Менгли-Гирея русские воеводы.

Иоанна подстрекали к битве и народ, и воеводы, и духовенство. Но Иоанн отвечал:

— Зачем драться, когда можно и так постоять. Над нами не каплет.

Потом начало капать—наступила осень. Обе армии раскрыли зонтики и продолжали стоять.

Пошли морозы. Обе армии надели фуфайки и теплые пальто и продолжали стоять.

— Посмотрим, кто кого перестоит!—говорили враги.

В один прекрасный день Ахмат и Менгли-Гирей увидѣли, что Угра стала.

— Что, если они переправятся по льду и разобьют нас!—подумал с ужасом Ахмат.

— Что, если они переправятся по льду и разобьют нас!—подумал, похолодев от страха, Менгли-Гирей.

— Надо спасаться!—решил Ахмат.

— Надо бежать!—решил Менгли-Гирей.

И обе армии пустились так быстро бежать друг от друга, что только пятки сверкали.

Таким образом свержение ига обошлось без пролития крови и почти без участия русских войск.

Иоанн Грозный.

I.

Весть о рождении Иоанна Грозного, как громом, поразила Москву.

Птицы и звери попрятались в лесах. Рыба со страху сдечалась еще более мокрой и притаилась на дне океана.

Люди совсем потеряли головы и были этому очень рады, ибо рассуждали так:

— Иоанн Васильевич все равно их отрубит. Лучше уж сами потеряем головы. Когда придут палачи, они останутся в дураках—нечего будет рубить.

Родившись, Иоанн Грозный осмотрелся кругом и спросил, метнув глазами на стонавшую роженицу:

— Это кто?

Ему ответили:

— Елена Глинская. Твоя мать. Она родила тебя.

Иоанн Грозный милостиво улыбнулся и сказал:

— Она прекрасно сделала, что родила меня. Но...—Грозный нахмурил брови:

— Но... Мавр сделал свое дело, пусть Мавр уйдет... Г-жа Глинская: назначаю вас царской матерью. Теперь можете итти.

Елена поклонилась и удалилась в свои покои.

— А это кто?

Царь указал на женщину, возившуюся с пеленками.

— Акушерка. Она помогла тебе увидеть свет.

— Не люблю акушерок и зубных врачей...

Царь поморщился и велел отрубить голову акушерке.

Акушерка была очень рада, что так легко отделалась.

— Зачем акушерке голова? — рассуждала она вполне здраво:—Акушерке нужны только руки и инструменты.

Покончив с акушеркой, Иоанн Васильевич приказал спустить на народ московский несколько медведей.

— Остальные милости,—заявил при этом Грозный,—совершу после. Теперь беру отпуск на год. Править же московской землею будет мать и дяденька Телепнев-Оболенский.

После этих слов царь затворился со своей кормилицей и целый день не выходил.

II.

Воспитание Иоанна.

Воспитание Иоанн Васильевич получил по Фребелю.

В восемь часов утра он уже был на ногах и для развития мускулов рук делал гимнастику—остроконечным жезлом бил своего спальника.

Потом приступал к гимнастике, развивающей мускулы ног—около часа топтал ногами стольника.

В десять начинался урок русского языка—царь ругал бояр.

В одиннадцать Иоанн Васильевич приступал к занятию чужими языками—вырезывал языки у провинившихся приближенных, а оставшиеся части тела бросал в темницу.

После завтрака маленький Грозный выезжал из дворца изучать народ.

Изучал он народ не поверхностно, как это делается теперь, а основательно, анатомически. Каждого изучаемого разрезывали на несколько частей, и каждая часть подвергалась изучению.

— Вон идет купец!—говорил Иоанн Грозный:—Давай-ка, посмотрим, лежит ли у него ко мне сердце или нет?

Купца рассекали на куски, отыскивали сердце и смотрели, лежит ли оно к Иоанну или нет.

В те темные и невежественные времена, когда даже первой гильдии купцы еле подписывали свои фамилии, любо-

знательность царя не находила сочувствия в сердцах москвичей.

При встрече с Иоанном каждый старался улизнуть в сторону, спрятаться от него.

Это злило Иоанна Васильевича и делало его нервным.

— Не понимают меня!—жаловался он матери:—я медицину хочу изучить, а они против вивисекции. Такие невежды.

— Ах, они подлые! — сердилась мать Иоанна Васильевича.—Дитя на них медицинские опыты делает. Может-быть, препарат 606 выдумает! А они прячут от него свои дурацкие головы.

И она приказывала своему любимцу Телепневу-Оболенскому как можно больше нарубить голов для своего сына.

В конце-концов сам Телепнев-Оболенский был подвергнут анатомическому опыту.

Однажды Иоанну Васильевичу передали известные слова Калигулы:

„Как бы мне хотелось, чтобы у всех людей была одна олова, и чтобы я отрубил эту голову".

Молодой Иоанн, вздохнув, сказал:

— Я не утопист! Я знаю, что сколько людей, столько олов, и работы будет много.

И, подняв очи свои горе, прибавил со смирением:

— Чтож, будем трудиться. Терпение и труд все перетрут.

Так рос в благочестии и постоянных научных трудах молодой Грозный.

III.

Совершеннолетие.

Спустя год после рождения, Иоанн Васильевич об'явил себя семнадцатилетним.

— Теперь начну царствовать! — заявил он: — кто еще не казнен?

Неказненные бояре стали подходить к Иоанну.

— Не толпитесь! — закричал на них Иоанн! — Тут вам не театральная касса. Станьте в очередь!

Бояре стали в очередь.

— Сколько вас развелось! — с досадой сказал Грозный.

Бояре виновато опустили глаза.

К вечеру все было кончено. Оставшиеся после казненных боярские шапки Грозный роздал своим новым приближенным.

Так как приближенных оказалось меньше, чем боярских шапок, то любимцы получили по две шапки.

Отсюда пошли двойные боярские фамилии: Голенищев-Кутузов, Сумароков-Эльстон, Витте-Витте, Кафталь-Гандельман, Сименс-Гальске, Швеция-Норвегия, Жорж-Борман и др.

IV.

Забавы Иоанна Грозного.

Любимейшей забавой молодого царя было жениться.

У Иоанна в сущности было очень нежное сердце, и единственной причиной его жестокости было любопытство.

Женившись и пожив некоторое время с женой, он начинал думать:

— Любопытно было бы посмотреть, какова будет моя вторая жена?

Несколько месяцев Иоанн Васильевич боролся со своим любопытством, но потом не выдерживал и постригал жену в монахини, а сам брал другую жену.

— Ничего не поделаешь! — говорил он: — Уж очень я любопытен.

Игрушки молодому царю заменяли бояре молодые и старые.

Поиграв с боярином, Иоанн начинал томиться мыслью:

— Что у моей новой игрушки делается внутри?

Любопытство до тех пор мучило царя, пока он не распарывал живот у боярина и не узнавал, что делается у него внутри.

Испортив первую игрушку, он брал новую, которую чрез некоторое время постигала участь первой.

Сначала Иоанну Васильевичу нравились бояре Глинские.

— Славные игрушки! — восхищался он: — Вот интересно было бы знать, какие там у них пружины внутри? Должно быть, заграничные.

Недолго крепился Грозный и велел распороть Глинских.

Потом то же самое он сделал с Шуйскими; потом с Бельскими.

Каждый год Иоанн Васильевич производил набор новых любимцев.

Родные любимцев оплакивали их, как покойников. Пред отправкой любимцев во дворец матери и жены голосили:

— На кого ты покинул нас, сиротинушек!

Знакомые с грустью жалели любимца:

— Так молод и уж в любимцы попал. Поистине смерть не разбирает.

В Москве люди больше умирали от внезапной любви Иоанна Васильевича, чем от других заразительных болезней.

Характера Иоанн Васильевич был веселого, и любил он шутить.

Однажды он велел в шутку бросить псам своего любимца Андрея Шуйского.

К сожалению, псы не поняли шутки и загрызли бедного боярина.

В другой раз Иоанн обратил внимание на длинные бороды новгородских купцов.

— Вы бы побрились!—посоветовал им царь.

— Рады побриться! —ответили купцы.—Да парикмахерской по близости нет.

— Это пустяки!—сказал Иоанн Васильевич:—Можно и без парикмахера.

Он приказал облить бороды купцов дегтем и поджечь. В одну минуту подбородки у них стали чистенькими, как ладонь.

Купцы похвалили царя за находчивость и были очень рады, что им не пришлось платить за бритье.

К сожалению, современники Иоанна Грозного ложно истолковывали шутки царя и придавали им какой-то меерхольдовский оттенок.

V.

После пожара.

Однажды от сальной свечи загорелась Москва.

Во время пожара во дворец ворвался неизвестный человек в рясе, впоследствии оказавшийся священником Сильвестром, и крикнул Иоанну:

— Ты во всем виноват.

— Я не поджигал!—сказал твердо Иоанн:—Напраслину возводишь, батюшка.

— Это за твои грехи!—грозно закричал Сильвестр. — Покайся.

Иоанн покаялся и велел убить Сильвестра.

— Надо созвать „Земский Собор"! — подумал Иоанн Васильевич:—Пусть правит, как знает.

„Земский Собор" был созван.

— Чего-то еще не хватает?—подумал Иоанн.

И вспомнил:

— Знаю! Нужен еще Духовный Собор.

Духовный Собор был созван.

— Что бы еще созвать?—задал себе вопрос Грозный.

И, подумав немного, решил:

— Надо созвать опричнину.

Когда опричники были созваны, Грозный приказал им:

— А ну-ка, ребятки, разгоните мне „Земский Собор!"

Опричники разогнали.

— А теперь Духовный Собор.

Опричники разогнали Духовный Собор.

Иоанн Грозный позвал к себе членов Земского Собора и спросил их:

— Наговорились?

— Наговорилися досыта!—ответили земские люди.

— Все высказали?

— Все.

— Значит, языки вам больше не нужны?

Иоанн Васильевич приказал вырвать у них языки.

Потом он призвал членов Духовного Собора и спросил:

— А вы что сделали?

— Вот, что сделали.

Члены Собора подали Иоанну „Стоглав". Иоанн рассмеялся.

— Думаете, что, если он о ста головах, так и ничего с ним сделать нельзя?

Он велел обезглавить „Стоглав".

Еще дальше, пошедши по пути реформ, Иоанн Васильевич велел сочинить Судебник.

Чрез некоторое время он спросил сочинителей:

— Готов Судебник?

— Готов,—ответили ему.

Иоанн велел сжечь Судебник и утопить сочинителей.

— Любопытно,—сказал он,—посмотреть, как будут гореть законы и тонуть законники.

И еще много прекрасных деяний совершил под благотворным влиянием добрых советников раскаявшийся Иоанн Грозный.

V.

Взятие Казани.

Между тем в Казани начались беспорядки. Стали произносить слова против начальства. В университете пели недозволенные песни.

— Все это инородцы мутят!—говорили в Москве.

И говорившие так не ошиблись. Татарская партия овладела умами молодежи и мутила их.

На улицах то и дело раздавалось:

— „Отрече-о-омся от старого мира"...

Околоточные из сил выбивались, получая взятки и арестовывая, кого надо, а еще больше, кого не надо.

— Надо примерно наказать бунтовщиков! — сказал, разгневавшись, Иоанн Васильевич.

Он собрал войско, пошел на Казань и осадил ее.

Комендантом крепости был не русский генерал, а татарин, и осажденные упорно поэтому защищались.

— Вы здесь повоюйте!—сказал Иоанн Васильевич:—А я пойду молиться.

Воины пошли штурмовать Казань, а Грозный пошел молиться.

Пред самым солнечным восходом взорвало большой подкоп, где находилось 48 бочек с порохом.

Из того факта, что бочки не были до подкопа раскрадены, а порох взорвался, историки выводят заключение, что интенданты и инженер, руководивший подкопом, были немцы.

VI.

Казни.

Наконец не стало бояр на Москве. Все были казнены.

— Странные люди эти бояре!—говорил, пожимая плечами, Иоанн Васильевич: — Никак не могут приучиться жить без головы. Чуть отрубишь голову, глядишь, а уже боярин окачурился.

— Избалованный народ!—поддакивали приближенные: — Неженки.

Грозный загорался гневом и кричал:

— Так я же их научу! Без двух ног может жить человек, неужели же без одной головы трудно жить?

И он рубил головы до тех пор, пока в один прекрасный день ему заявили:

— Нет больше бояр. Все вышли.

Грозный опечалился, но скоро решил:

— Выпишем из других городов. Думаю, что на наш век бояр хватит.

Он велел собрать войско и во главе его двинулся к Новгороду.

Овладев городом, Иоанн Грозный приказал снять с веревки вечевой колокол.

Последний висел долго и уже задыхался.

— В Москве поправится!—сказал царь.

Вечевой колокол увезли в Москву.

Потом Грозный приступил к новгородским боярам. Покончив с ними, он собрал новгородских женщин и спросил их:

— Вы любите своих детей?

— Любим,—ответили женщины:

— Сейчас увидим, правду ли вы говорите.

Грозный приказал привязать детей веревками к матерям их и бросить в воду. Несмотря на такую привязанность к детям, матери не спасли их и утонули вместе с ними.

— Вот вам доказательство, как „свободные" женщины любят своих детей! — сказал Иоанн Васильевич своим приближенным:—Гражданки!

— Эмансипированные!—с презрением поддакнули приближенные:—Все они таковы, эти „ошвободительницы!"

Когда были истреблены новгородские бояре, Иоанн Васильевич пошел искать бояр в Псков, а тем временем в Москве успели вырасти новые бояре на месте казненных, и Грозный вернулся в Москву.

VII.

Покорение Сибири.

При Иоанне Грозном случилось странное событие.

Однажды во дворец пришел человек и отрекомендовался:

— Иван Кольцо, вице-покоритель Сибири.

Иоанн Васильевич пронизал пришельца глазами и произнес:

— Скажи, прямо, жиган. Беглый из Сибири.

Кольцо с достоинством ответил:

— Я не беглый, а покоритель.

— Отлично. Расскажи, что ты там покорил.

Кольцо стал рассказывать:

— Казаки мы, т. е. что ваше, то наше, а что не наше, тоже наше. Мы люди простые и неученые. По-неученому и живем.

— Это мы слыхали. Дальше.

— Сейчас будет и дальше.

Кольцо погладил усы и самодовольно продолжал:

— Некого стало на Руси грабить. Много ли после опричника награбишь? Мы и пошли дальше за Урал. Смотрим, земли много, а народу столько, сколько у лысого волос на голове.

— Прошу без намеков,—прервал Иоанн.—Говори просто.

— Могу и так. А царствует над этим, прости Господи, народом слепой царь, и предводительствует глухонемой воевода. Мои люди, как львы, бросились на этот народ и разбили его. Слепой царь не увидел, а глухой воевода не услышал, как мы подкрались к народу и покорили его. Вот я и твоей милости подарки привез.

Иван Кольцо вынул несколько соболей и лисиц и разложил их пред Иоанном Васильевичем.

— Стибрили?—кратко спросил Грозный.

— Никак нет. Настреляли!..

Иоанн Васильевич стал рассматривать подарки.

— Заграничные!—сказал он с видом знатока.

— Без фальши!—подтвердил Кольцо:—Вот и таможенные пломбы.

— Спасибо. А кто вами предводительствовал?

— Предводительствовал наш атаман Ермак Тимофеевич.

— Почему же он сам не явился?

Кольцо замялся.

— Как бы тебе сказать... Ссылка не кончилась. Еще годков двадцать ему ждать надо...

Чтобы замять неприятный разговор, Иван Кольцо стал на колени и торжественно произнес:

— Кладем к твоим ногам завоеванное нами царство, по имени Сибирь.

— Принимаю его!—ласково произнес Иоанн Васильевич.

В тот же день „золотопромышленные“ понизились до половины их стоимости.

Больше десятка банкиров разорилось, замошенничали деньги вкладчиков и были сосланы в Сибирь.

VIII.

Смерть Грозного.

Умер Иоанн Васильевич от игры в шахматы.

Чигориным он не был, но в шахматы играл недурно. Постоянным партнером Грозного был боярин Бельский, которому он все забывал отрубить голову.

— Ты уж извини, боярин, — говаривал он Бельскому: — Вчера Малюта снова был занят, никак не мог урвать для тебя несколько минут. Уж подожди! Ты ведь свой человек.

— Подожду! — добродушно отвечал Бельский. — Не велик барин. Могу и подождать, пока господин Малюта освободится.

За свою забывчивость Иоанн Васильевич поплатился.

Однажды он по обыкновению сел играть в шахматы. Бельский заявил:

— Шах королю!

В эту минуту Иоанн Васильевич упал на спинку кресла и умер.

Шахматному королю немедленно отрубили голову, а королеву, именуемую ферзем, сослали в дальний монастырь.

Несколько месяцев после похорон Иоанна Грозного оставшиеся в живых москвичи не верили, что они живы.

— Неужели мы уцелели! — удивлялись они.

Многие на улице подходили к знакомым и просили:

— А ну-ка ударь меня по уху! Хочу узнать, жив я или не жив?

Летописцы уверяют, что остаться живым при Иоанне Грозном было так же трудно, как выиграть двести тысяч.

Смутное время.

Борис Годунов.

До Бориса почти царствовал Ѳедор Иоаннович. Но de mortuis aut bene aut nihil...

Ѳедор Иоаннович теперь покойник. Да и при жизни он был покойником, отчего у него и не было детей.

В большие праздники его обряжали и выводили показывать народу.

Наконец, его похоронили, и стал царствовать Борис. Во время венчания на царство Борис сказал:

— Клянусь, что у меня не будет ни одного бедняка.

Он честно сдержал слово. Не прошло и пяти лет царствования Бориса, а уже ни одного бедняка нельзя было сыскать во всей стране с огнем.

Все перемерли с голода и от болезней.

По отцу Борис был татарин, по матери русский, а по остальным родственникам неизвестно кто...

Правил он, как следует. Давал обещания, казнил, ссылал и искоренял крамолу.

Но ни казнями, ни ссылками, ни другими милостями ему не удалось сыскать любви народа.

Имя Бориса произносилось с иронией.

— Какой он „Борис“,—говорили про него втихомолку:— Борух, а не Борис. Борух Годун или, еще вернее, Борух Годин. Знаем мы этих Борисов...

— Нету здесь Столыпина — ехидничали бояре:—он ему показал бы „Бориса“.

Многие уверяли, что своими ушами слышали, как Борис разговаривал по-еврейски, когда он еще был премьером.

— Только и слышно было, что гыр-гыр-гыр, — рассказывали бояре:—Потом все пошли в синагогу.

Когда появился первый самозванец, все стали шептаться и злорадствовать.

Узнав про самозванца, Борис позвал Шуйского.

— Слышал?—спросил царь.

— Слышал!—ответил Шуйский.

— Это он, Дмитрий?

Шуйский отрицательно покачал головой.

— Никак нет. При мне убивали. Это не тот.

— Кто же по твоему этот самозванец?

— Мошенник какой-то!—ответил Шуйский:—Мало нынче мазуриков шляется.

Борис отпустил Шуйского и велел созвать бояр. Бояре пришли.

Борис вышел и обратился к ним с белыми стихами.

„Достиг я высшей власти..."

Бояре переглянулись. Послышался шепот:

— У Пушкина украл! У Пушкина украл!

Борис сделал вид, что ничего не слышит, и продолжал:

„Седьмой уж год я царствую..."

Тут чей-то негодующий голос резко прервал Бориса:

— Это грабеж. Своего же поэта грабить!

— В самом деле!—послышался другой голос: — иностранного поэта хоть ограбил бы, а то своего.

Сразу зашумели все:

— Посреди бела дня белые стихи красть!

— Бедный Пушкин! Чего смотрят Венгеров и Лернер!...

Борис стоял бледный, как полотно железной дороги.

Кто-то закричал:

— Пойдем вязать Борисовых щенков!

— Это тоже из Пушкина! — закричали из-под земли выросшие Венгеров и Лернер: — Не смей трогать!

Но их никто не слушал. Все бежали душить семью Бориса.

Сам Борис чрез знаменитого фармацевта, которому он предтем устроил правожительство в Москве, достал яду и отравился.

II.

Лжедмитрий 1.

Первый самозванец был из Одессы.

Его настоящее имя до сих пор не известно, но его псевдоним „Лжедмитрий I“ был в свое время не менее популярен, чем псевдонимы „Максим Горький“, „Сологуб“ и др.

В приказчичьем клубе он научился грациозно танцовать мазурку, чем сразу расположил к себе сердца поляков.

— От лайдак!—восхищались поляки:—Танцует, как круль.

Последнее слово сильно запало в душу Лжедмитрия.

— Разве уж так трудно быть королем! —думал он, лежа у себя на убогой кровати:—Нужна только удача. Ведь Фердинанд и Николай Черногорский стали королями. Нужно только заручиться поддержкой сильной державы.

Тут он невольно начинал думать про Польшу.

— Сами говорят, что танцую, как круль. Пойти разве и сказать им, что действительно круль... Они всему поверят.

Лжедмитрий не ошибся. Когда он об'явил полякам, что он царевич Дмитрий, они бросились его обнимать.

— Ах, шельма! — кричали поляки, целуя Дмитрия во все, не исключая лица: —Как ловко прикидывался конюхом.

— Поможете мне овладеть моим царством?

— А что дашь?

— Все, что понравится вам, - обещал Дмитрий.

— Отлично. Нам нравится Белоруссия.

Дмитрий добродушно сказал:

— Возьмите ее.

— Нравится нам еще Великоруссия, Малороссия, Сибирь.

— Что же у меня останется? — с испугом вырвалось у Дмитрия.

Поляки утешили его:

— А тебе, братику, ничего и не надо. Ведь ты конюх. Купим тебе хорошего лошака; ты и уедешь на нем из Московии, а править будем мы сами.

— Ладно!—сказал Дмитрий:—Спасибо, что хоть лошака одного мне оставите.

С помощью поляков Дмитрий и взял Москву. Народ московский и верил, и не верил, что это настоящий Дмитрий.

— Как же ты спасся?—спрашивал с любопытством народ.

— Очень просто! — об'яснил самозванец: — Увидев, что меня начали резать, я убежал. Вместо меня и зарезали другого.

Народ качал головой. Кто-то предложил:

— Позовем Шуйского. Он был тогда в Угличе. Спросим его.

Позвали Шуйского и спросили:

— При тебе убили царевича Дмитрия?

— Какого Дмитрия?—удивился Шуйский:—Никакого царевича Дмитрия не убивали. Все Борис выдумал. Дмитрий вот.

Шуйский указал на самозванца.

— Спросим еще мать царевича!—решил народ.

Позвали мать царевича и спросили, указав на самозванца:

— Твой это сын?

— Мой, мой!—ответила печальная мать:—Тот Дмитрий был только черненький, а этот рыжий. Только это от того, что он вырос. Мой это сын. Мой.

Лжедмитрий стал царствовать. Человеком он оказалса добрым, никого не казнил и не наказывал плетьми.

Это показалось подозрительным боярам.

— Он не настоящий сын Грозного,— роптали бояре:—до сих пор никому из нас голову не отрубил. Нет, он самозванец.

А Дмитрий не исправлялся и продолжал не казнить. Бояре не могли снести этой обиды и убили его.

— Он был обманщиком! — заявили они народу: — Он не Дмитрий.

Народ верил, и не верил словам бояр.

— Спросим Шуйского!—решил народ.

Шуйского привели.

— Убитый был Дмитрий?—приступили к князю.

— Какой убитый?—переспросил Шуйский.

— Вот этот, что лежит перед тобой?

— Этот? Какой же он Дмитрий? Мошенник он, а не Дмитрий. Царевича Дмитрия при мне в Угличе убивали. Этот самозванец.

Позвали мать Дмитрия и спросили:

— Твой сын?

— Не мой!— ответила мать:— Мой был маленький, восьмилетний, а этот вишь какой балбес

Народ после этих слов поверил.

III.

Лжедмитрий II.

Второй самозванец неизвестно откуда появился.

— Я вторично спасся!—сообщил он народу:—Видите, какой я ловкий. Изберите меня царем.

Народ недоумевал.

— Как же ты спасся?—удивлялся народ.

— А очень просто. Подкупил человека, чтобы за меня принял смерть, а сам удрал.

Народ думал, думал и решил:

— Спросим Шуйского.

Привезли Шуйского из монастыря, в который он за царствование был заключен, и спросили:

— Вот человек выдает себя за Дмитрия. Ты что скажешь: Дмитрий он или не Дмитрий?

— Дмитрий!—твердо ответил Шуйский.

— Но ведь Дмитрия убили!

— Какого Дмитрия?—удивился Шуйский:—Никаких Дмитриев не убивали. Этот Дмтрий настоящий.

Народ решил:

— Позовем мать Дмитрия.

Позвали и спросили:

— Твой сын это?

— Мой, — последовал ответ: — И глаза те и волосы те. Раньше он был рыжим, а теперь черный, но он мой сын.

— Позовем еще Марину Мнишек!—решил народ.

Позвали Марину, показали Лжедмитрия II.

— Это мой муж! —заявила гордая полька:—И брюки такого же цвета, и столько же рук, ног и глаз, как у того... Это мой муж.

Однако, Лжедмитрию Второму царствовать не удалось. Он оказался действительно Дмитрием, но только Дмитрием Цензором.

Дав ему нехороший псевдоним и проходное свидетельство, его выселили из Москвы.

Кажется, даже не впустили в нее!

IV.

Междуцарствие.

Между тем смелых людей становилось все меньше и меньше на Руси, и некому стало царствовать.

Даже самозванцы отказались от Москвы.

— Поцарствуешь день,—говорили самозванцы,—а потом целый месяц тебя будут за это убивать. Себе дороже стоит.

Наступило междуцарствие.

Поляки увидели, что царя нет в России, и пришли все в Москву и заявили:

— Мы все будем царствовать над вами. В компании веселее и безопаснее.

— Царствуйте!—разрешили бояре:—кому прикажете присягать!

— Всем присягайте! – приказали поляки.

На это бояре резонно ответили:

— Вас так много. Если каждому в отдельности присягать, то человеческой жизни не хватит. Выбирайте уж одного.

Поляки поняли, что бояре правы.

— Присягайте сыну нашего короля, Владиславу! — приказали они.

Бояре присягнули. Когда присяга кончилась, поляки вдруг заявили:

— Мы ошиблись. Присягайте не Владиславу, а самому королю Сигизмунду.

Бояре присягнули Сигизмунду.

— Можем итти?—спросили они.

— Нет! нет!—ответили поляки:—Не уходите! Может быть еще кому-нибудь нужно будет присягать.

Бояре сели на крылечко и стали ждать.

Народ оставил их и стал действовать на свой риск и страх.

V.

Минин и Пожарский.

Однажды на площади появился человек в форме мясника и закричал:

— Заложим жен и детей и выкупим отечество!

— Заложим! — загудела толпа.

Толпа бешеным потоком устремилась в ломбарды, таща на спинах жен и в охапку детей.

Получив деньги, народ понес их на площадь, а ломбардные квитанции, в которых было написано, что приняты вещи старые и молью траченые, положили в карман.

Козьма Минин, впоследствии оказалось, что это был он, пересчитал деньги и сказал:

— Маловато!

И, воодушевившись снова, воскликнул:

— Продадим дворы и спасем отечество!

— Продадим!—снова загудела толпа:—Без жен и детей дворы ни к чему. В меблирашках проживем.

Тут же наскоро стали продавать дворы. Вырученные деньги отдавали Минину.

Кто покупал дворы, никому из историков не известно. А может быть, известно, но из стыдливости они это скрывают.

Полагают, что была основана тайная патриотическая компания по скупке домов и имущества.

— Странно,—замечает один иностранный историк, имя которого мы дали слово держать в секрете:—Всех принуждали продавать дома. Кто не хотел добровольно продавать дом, того принуждали. Как же в такое время могли появляться люди, которые осмеливались покупать дома?

Не будем об'яснять иностранным историкам то, чего они по своему скудоумию понимать но могут, и вернемся к Минину.

— Теперь хватит! —заявил он своим гражданам:—Возьмите оружие и айда на поляков!

Во главе рати стал Пожарский.

— А казаков под Москвой не будет?—спросил новый полководец.

Казаки были на стороне поляков.

— Не будет!—ответил Минин.

— Тогда я пойду.

Пожарский, хотя и был князь, оказался храбрым полководцем и освободил Москву от поляков.

Большую помощь оказал ему при этом голод, любезно согласившийся поселиться в Москве на время осады.

Поляки, питающие с малых лет отвращение к голоду, отдали Москву русским.

С тех пор голод не расставался с русским народом, поселившись у него на правах бывшего союзника и друга дома на все время царствования Романовых.

VI.

Иван Сусанин.

После изгнания поляков из Москвы, бояре и иарод избрали на царство Михаила Θеодоровича Романова.

В то время прославился крестьянин из оперы „Жизнь за царя“ Иван Сусанин.

Однажды в дом Сусанина ворвалась банда польских воинов и потребовала, чтобы он их повел к Михаилу Θедоровичу, которого поляки хотели убить.

Сусанин стал петь. Дочь его, глядя на отца, также запела:

„На-а-летели злые коршуны".

Даже маленький Ваня, даже не сын, а внучек Сусанина тоже запел.

Поляки заплатили за пенье и стали торопить Сусанина, итти с ними.

Сусанин выбрал такое место, куда ворон костей не заносил, и завел туда поляков.

Там он заказал густой снег, который причинил полякам много неприятностей.

— Отдохните!—предложил он полякам.

Те легли на снег. Сусанин сел на пень и стал петь „чуют правду они".

Из этой арии поляки узнали, что Сусанин их одурачил и, протанцовав мазурку, изрубили его в куски.

Это не спасло поляков от голодной и холодной смерти, и все они тут же, не придя в сознание, замерзли.

Малороссия.

I.

Казаки.

Малороссия это та самая страна, где из цветов плетет венок Маруся, и о старине поет седой Грицько.

Маруси ни к каким партиям не принадлежали, а Грицьки делились на две партии.

Одна давала себя грабить панам, и члены ее назывались крестьянами.

Другая партия сама грабила панов, и назывались ее члены казаками.

Казаки были также разные.

Одни жили на берегу Днепра, воевали с татарами и с проезжими на большой дороге, били всякого, кто подвернулся под руку, и водку называли „горилкой".

Назывались они запорожцами.

Другие казаки жили на берегах Дона, воевали с татарами, били, кого Бог послал, и водку называли „горелкой". Назывались они донцами.

Третьи жили на Урале, воевали с татарами и с обозами купцов, били, кого могли одолеть, и водку называли вином. Эти назывались уральскими казаками.

Несмотря на столь выпуклые противоречия в программах казачества запорожского, донского и уральского, все они сходились в одном и главном пункте: в горячей любви к тому, что запорожцы называли „горилкой", донцы—„горелкой", а уральцы „вином".

Управляли казаками атаманы, которые выбирались самими же казаками и обыкновенно менялись по два раза в день.

Наибольшую известность в истории заслужили запорожцы.

Эти свободолюбивые воины были вооружены прекрасными пиками и саблями и были в постоянной зависимости то от польского короля, то от русских воевод.

Своими лихими набегами и попойками казаки наводили ужас на соседние государства.

В союзе с татарами они часто причиняли много бед Польше, а в союзе с поляками часто здорово лупили татар.

Хорошо, привольно жилось свободным, как ветер, казакам.

Наконец, им надоело польское иго, и они решили сбросить его какой бы то ни было ценой.

II.

Богдан Хмельницкий.

Имя человека, освободившего Украину от польского гнета, было Богдан Хмельницкий.

Хмельницкий, прежде чем стать героем, был польским чиновником.

Однажды холостой поляк, нуждаясь в жене, напал на хутор Хмельницкого и забрал у него жену.

Чаплинский (так звали холостого поляка) думал, что Хмельницкий человек без предрассудков и женится на другой женщине.

— Какой человек не хочет жениться два раза?—думал Чаплинский.

Но ошибся. Хмельницкий, узнав про экспроприацию, страшно разозлился.

— Око за око, зуб за зуб?—воскликнул в гневе Хмельницкий:—Вы отняли у меня жену, а я отниму у вас Малороссию.

Поляки перетрусили и приказали Чаплинскому отдать жену.

— Хорошо,—ответил Чаплинский:—я готов обменять жену на Малороссию. Сколько дадите сдачи?

Стали торговаться, а, когда сошлись, было уже поздно. Жена Хмельницкого заявила, что Чаплинский много приятнее Хмельницкого, и пойти к последнему не пожелала.

Загорелась война.

Казаки вооружились своими пиками, пищалями, саблями да татарами.

— За свободу! За свободу!—кричали казаки, кидаясь на ляхов

Конечно, после таких слов полякам оставалось только обращаться в бегство, что они и делали.

Свобода была добыта, и казаки загрустили.

— Что нам делать со свободой?—задали они Хмельницкому вопрос.

— Скучно с ней!,—роптали старые казаки:—Когда нет свободы, за нее можно драться. Веселее тогда. А теперь что? И подраться не за что.

— Скверно, когда не за что драться!—соглашалась молодежь.

Казачество зевало от бездействия. Татары остались также безработными и уже подумывали о войне с казаками.

Хмельницкий видел это и, наконец, предложил:

— Давайте, братцы, отдадимся какому-нибудь государству.

— Ура!—закричали радостно казаки:—Вот это золотые слова.

— Отдадим Украину, а потом будем ее снова отнимать. Отнявши, снова отдадим, а отдавши, снова будем отнимать.

— К кому же присоединимся?—спросил Хмельницкий.

После краткого совещания казаки решили присягнуть на подданство Московскому царю.

Поляки же до нынешнего дня остались только при жене Хмельницкого.

Казаки свободнее вздохнули. Потом они стали вздыхать не так уж свободно, но зато чаще...

Русь—Империя.

I.

Петр Великий.

Петр Великий был гигант на бронзовом коне.

До Петра Русь была непроходимо бородатой страной. У всех, от первейшего боярина до последнего конюха, был волос долог.

Один из знатных иностранцев, выписанный в Россию как искусный плотник, но сделавшийся впоследствии историком, так описывает тогдашнюю Русь:

„...Эта большая страна,—пишет иностранный плотник,—вся густо поросла бородой. Из-за бород не видно голов! Русский думает бородой, пьет чай бородой, ест клюкву бородой и ею же обнимает и целует жену. Итальянский писатель, живущий на Капри, Maxim Gorky, уверяет, что Россия—государство уездное. Какое глубокое заблуждение Россия попросту—государство бородатое".

Петр Великий решил прополоть страну и приказал немцам изобрести для этой цели соответствующую машину.

Немцы, недолго думая, изобрели ножницы и бритву, что произвело сильный переворот в законах физики и химии.

В первый раз на улицах Москвы раздалась впоследствии столь знаменитая четырехсложная формула „Стригут, бреют, кровь отворяют".

Кто не хотел стричься и бриться, тому „кровь отворяли..."

Ужас об'ял бояр, привыкших с малых лет носить длинную седую бороду. Одни из них бежали, бороду свою спасая, в свои далекие вотчины. Другие пускались на разные хитрости.

Отправлялись к царю с докладом бритыми. Пришедши же домой, они отращивали себе длинные бороды, самодовольно гладили их. радуясь, что обошли молодого Петра.

Так поступали они ежедневно.

Однако, обмануть зоркого Петра было нелегко. Хитрецов накрывали и наказывали кнутом или каким-нибудь другим неприятным орудием порки.

Когда все бороды были отрезаны, обнаружилось, что под бородами высшие сановники носили широкие длиннополые кафтаны.

„Половые проблемы" боярских кафтанов были также решены посредством ножниц.

Когда все стали безбородыми и бесполыми, Петр сказал:

— Теперь за дело! Довольно баклуши бить и у соседей смех вызывать. Начнем лучше соседей бить и слезы у них вызывать.

Вздохнули бояре, но делать было нечего. Стали учиться, в угоду Петру, бить соседей.

II.

Воспитание Петра.

Петр получил воспитание домашнее.

Учил его сначала дьяк Зотов. Но вскоре обнаружилось, что дьяк Зотов неграмотный и не только писать, но читать не умел по-русски.

Стали искать других учителей, но не могли найти грамотного.

— Учителей много, а грамотных мало!—жаловались бояре.

Но Петр уже с младенческих лет проявлял громадную настойчивость и силу воли.

Голова грамотного человека была оценена в десять тысяч.

Гонцы раз'езжали по стране, собирали сходы, спрашивали:

— Кто грамотный, поднимай вверх руку!

Но с опущенными руками стояла пред молодым, жаждущим знания, Петром неграмотная Русь.

— Кто грамотный?—мучительно раздавалось по Руси.

И в один прекрасный день послышалось:

— Мой немношко грамотна.

Голос шел из Немецкой слободы. Вскоре вышли оттуда три иностранца: голландец Тимерман, шотландец Гордон и француз Лефорт.

Петр стал учиться у этих иностранцев разным наукам к великому горю издателя и критика „Биржевки“ Проппера и Измайлова.

— Испортят эти иностранцы наш великий русский язык!—плакал, спрятав голову в жилет Проппера, Измаилов.

— Испортят! Испортят!—плакал, спрятав голову в жилет Измайлова, Проппер.—Мой язык уже начал портиться.

И так они плакали до тех пор, пока Петр не приказал „потешным“ прогнать их на Галерную улицу, чтобы не ныли.

Остальные люди были вообще недовольны тем, что Петр вздумал учиться грамоте.

— Не по обычаям поступает!—ворчали в свои бороды бояре и народ:—От заветов старины отступает.

III.

Стрельцы и потешные.

Когда Петр подрос и стал юношей, он начал интересоваться государственными делами.

Первым долгом он обратил внимание на стрельцов.

Это были люди, увешанные бердышами, самопалами, ножами, кривыми и прямыми саблями, дубинами, царь-колоколами и царь-пушками.

— Вы воины?—спросил их Петр.

— Воины!— ответили стрельцы.

С кем воевали?

Стрельцы гордо ответили:

— Поди, царь, в Замоскворечье, погляди на купцов, приказчиков, людей служивых и неслуживых, и сам увидишь, с кем воевали. Чай, ни одного целого носа там не найдешь. На лице каждого жителя написано про нашу храбрость.

Молодой Петр насмешливо посмотрел на стрельцов.

— А с врагами чужими так же храбро драться умеете?.

Стрельцы обиделись.

— Что ты, государь, сказать изволил,—сказали они с горечью:—Чтобы мы поганым басурманам свое национальное лицо показывали. Много чести. Мы им больше всего национальную спину показывали в битвах...

И прибавили, подумав:

— Да и как с ним, с басурманом, воевать будешь, когда у него оружие есть. Это не то, что свой брат приказчик...

После этого разговора Петр призвал начальников стрелецких и спросил их:

— Много под Москвой огородов?

— Много!—ответили стрелецкие начальники.

— Хватит по стрельцу на каждый огород?

— Хватит.

— В таком случае приказываю вам разместить стрельцов по огородам в качестве пугал.

Стрельцы, наконец, оказались на своих местах, по крайней мере, на первое время. Потом и птицы перестали их бояться.

А Петр начал создавать новое войско из „потешных“ рот.

Так как „потешными“ заведывали не инспектора народных училищ и не начальники пробирных палаток, то дело пошло быстро на лад

„Потешные“ из кожи лезли, чтобы вырасти скорее и в примерных битвах здорово колотили стрельцов.

Петр радовался, на них глядя, и думал:

— Скоро мы покажем себя!

И, действительно, показал.

IV.

Первая победа Петра.

Первую победу Петр одержал над турками.

Это в одинаковой степени изумило и победителей и побежденных.

— Неужели мы побиты? - удивлялись турки.—Не может быть! Это судебная ошибка.

— Побиты! Побиты!—показывали все народы Европы и Азии:—сами видели, как вы бежали.

Турки продолжали допрашивать свидетелей:

— Может-быть, мы бежали позади, а русские впереди?

Но народы стояли твердо на своем и показывали:

— Нет, вы бежали впереди, а русские бежали сзади и лупили вас в спины. Посмотрите, там еще, вероятно, синяки сохранились.

Турки посмотрели друг-другу на спины и вынуждены были признаться;

— В самом деле, синяки...

Они грустно опустили турецкие носы на турецкие сабли, потом сами опустились на турецкие ковры и с горя стали пить турецкое кофе.

Русские также не верили, что победили, и осторожно допытывались у очевидцев:

— Мы бежали впереди турок или сзади?

Очевидцы успокоили их:

— Не сомневайтесь! Вы гнали турок и ловко трепали их.

Солдаты приободрились.

— Побеждать, оказывается, легко! — говорили они друг другу.

— Гораздо легче, чем быть побежденным.

— Много способнее. Тут ты бьешь, а тебя хвалят. А там тебя бьют и еще ругают.

После первой победы последовала вторая, потом третья четвертая и все остальные победы.

Война кончилась отнятием у турок Азова.

Последний вскоре научился говирить и писать по-русски.

Впоследствии он совершено растурчился и начал писать фельетоны в русских газетах, подписываясь полным именем „Вл. Азов".

Петр очень гордился победой над турками и отнятием у них Азова.

Духовенство стало роптать...

V.

Петр-мореплаватель.

До Петра русский народ был народом-рекоплавателем.

Плавали русские весьма отважно, купаясь летом в реке. Плавали недурно и на спине и на животе.

Но о суднах имели понятие весьма слабое.

Однажды Петр, осматривая амбары Никиты Ивановича Романова, увидел там „дедушку русского флота".

Дедушка был весь из'еден червями, и труха сыпалась от него, как от ученого академика.

— Что это такое?—спросил Петр.

Приближенные Петра не могли дать верного ответа.

— Это корыто!—сказал один приближенный.

— Корыто? Для чего?

— В таких корытах наши праматери купали своих новорожденных детей. Народ в те поры был рослый. Каждый новорожденный имел по пяти сажен росту.

Петр недоверчив покачал головой. Другой приближенный, желая потопить первого приближенного, сложил губы в ехидную улыбку и горячо произнес:

— Не верь этому льстецу, государь! Он хочет выслужиться, а потому и говорит, что сей незнакомый ему предмет—корыто. Не корыто это, а старинное ружье...

— Врет он!—закричал первый приближенный;—это не ружье, а корыто.

Долго бы спорили русские люди, но в эту минуту явился

немец Тимерман и раз'яснил, что найденный предмет—английский бот.

Петр немедленно принял англичанина на русскую службу велев бот починить топором и рубанком.

„Дедушка русского флота" вскоре поплыл по Переяславскому озеру, управляемый могучей рукой Петра.

В короткое время у дедушки появились товарищи, которые весело понеслись по волнам.

Приближенные молодого царя с укоризной смотрели на новую затею молодого Петра и, качая бритыми подбородками, вздыхали.

— Статочное ли дело русскому человеку на судне плавать. Земли у нас мало, что ли! Зачем еще вода нам понадобилась?

Петр сначала пробовал возражать.

— А ведь англичане плавают...

Но ему отвечали:

— Так то англичане. У них земли два аршина. Им и понадобилось море. А нам на что.

Народ также роптал:

— Вода нам для питья и для бани дана. Грех плавать на ней в каких-то ковчегах.

Петр продолжал строить суда. Паруса все чаще и чаще стали мелькать на Переяславском озере.

В народе стали распространяться слухи, что Петр антихрист.

Мореплавание слишком уж претило религиозным душам.

VI.

Война со шведами.

За что возгорелась война со шведами, не известно. Историки в подобных случаях постоянно скрывают истинную причину.

Но война возгорелась.

В Швеции тогда царствовал Карл XII.

— Хоть ты и двенадцатый, а побью тебя! – сказал Петр.

Карл принадлежал к секте „бегунов“! Всю жизнь он к кому-нибудь или от кого-нибудь бежал.

Бежал к Мазепе в Полтаву, но Воркспа и русские солдаты произвели на него удручающее впечатление, и он убежал из Полтавы к татарам.

У татар он остался недоволен кумысом и бежал к султану.

Узнав, что у султана много жен, Карл XII поспешил бежать от соблазна к себе на родину, где у него не было ни одной жены.

Из Швеции бежал к полякам. От поляков снова куда-то убежал.

Смерти, преследовавшей Карла по пятам, еле удалось настигнуть его в какой-то битве, и она поспешила воспользоваться этим случаем.

Петр же все время стоял на одном месте и занимался делом—строил, стругал, пилил, тесал.

В результате Петр остался победителем.

Народ втихомолку стал называть Петра антихристом.

Но Петр отрубил несколько десятков голов, и народ, сознав свою ошибку, взял свои слова обратно.

VII.

Полтавская битва.

Горел восток зарею новой. Уж на равнине по холмам грохотали пушки. Дым багровый клубами всходил к небесам навстречу утренним лучам.

Не по доброй воле грохотали пушки. Их каждый раз заряжали с казенной части и вынуждали палить по шведам.

Шведы тоже палили, но плохо. Карл XII после очередного бегства повредил себе ногу и не мог ходить.

При самом начале битвы Петр приказал войскам своим одержать победу, и войска не смели ослушаться.

Карл же XII не догадался это сделать, и войска его

не знали, как вести себя, одержать победу или потерпеть поражение.

После небольшого колебания шведы из двух зол выбрали меньшее, поражение. Они тогда уже становились толстовцами и решили не противляться злу.

Много способствовало поражению шведов присутствие в их войсках малороссийского гетмана Мазепы.

Гетман был человек весьма образованный и до конца своих дней сохранил сильную любовь к женитьбе.

В искусстве жениться Мазепа не знал соперников, но воевода он был плохой. Неуменьем воевать он перезаразил все шведское войско, и оно не выдержало натиска петровских войск.

Шведы бежали. Те же, которым лень было бежать, сдались Петру.

Карл и Мазепа не поленились и бежали.

После полтавской битвы шведы повесили носы на квинту. Так они и висят до сих пор.

Русские же под предводительством Петра высоко подняли головы.

Гордые возвратились войска в Петербург под звуки музыки.

Петр ехал впереди на лошади Фальконета.

Высоко поднимал передние ноги гордый конь. Задними он давил гидру.

Народ наружно радовался и кричал „ура“, но внутренне роптал на Петра.

VIII.

Окно в Европу.

Победив кого следует, Петр задумал прорубить окно в Европу.

— Пора—сказал он,—на людей посмотреть и себя показать.

Сановники светские и духовные принялись увещавать царя.

— Не богоугодное ты дело затеял!—говорили сановники духовные:—Окно дело грешное. Не по святой старине поступаешь, царь!

Светские сановники подходили с дипломатической стороны и вещали:

— Окно, государь, вещь опасная. Прорубишь окно, а в него швед влезет.

— А мы ему в шею накладем!—смеялся Петр:—он и уйдет.

— Уйдет швед, пролезет в окно немец.

— Немцу зачем в окно? Мы его и в дверь пускаем.

— Тогда немец из окна вылезет.

— Зачем же ему вылезать?

— А уж такая у немца привычка. Не пустишь в дверь, он в окно влезет. Пустишь в дверь, он в окно и вылезет. Характер такой.

Петр смеялся и продолжал прорубать окно.

Он прорубал, а сановники мирские и духовные приходили по ночам и заколачивали окно.

Петр не унывал и настойчиво продолжал свою работу.

Когда работа была окончена, и новый свет хлынул в прорубленное окно, сановники опьянели от ужаса и завопили:

— Горе нам! Горе нам!

И началась между ними и Петром тайная борьба.

Сановники каждую ночь упорно затыкали подушками прорубленное в Европу окно.

По утрам Петр вынимал подушки, а уличенных виновников ссылал и даже казнил.

Но ночью приходили новые сановники и приносили новые подушки.

И до самой смерти Петра продолжалась эта тайная борьба.

Русскому народу так и не удалось при жизни Петра увидеть, как следует, Европу.

IX.

Петр-редактор.

А. С. Суворину в то время было всего лет десять, и „Новое Время“ еще не существовало.

А газета была необходима!

Русский народ искони славился тем, что не мог жить без газеты.

Гостинодворцы невероятно скучали, лишенные удовольствия давать взятки репортерам бульварной прессы.

На балах дамы вздыхали и томно жаловались своим кавалерам:

— Наши платья широки и обильны, а репортера у нас нет, который восхвалял бы их... Приходите володеть нами...

Кавалеры сочувственно кивали головами в такт танцующим ногам и приходили володеть.

Министры горевали:

—Некому восхвалять наши действия. Полцарства за коня... виноват, за Меньшикова!

Великие люди плакали:

— Когда мы умрем, кто напишет о нас некрологи. Помрем, как говорят хохлы, „и некролога не побачим“.

Тогда сам Петр решил издавать газету. Не долго думая, он подал прошение о разрешении ему газеты под названием „Куранты“, о всяких делах московского государства и окрестных государств.

Газета велась довольно смело. В ней задевались не только полиция, Германия и духовенство, но и высшие сановники.

Однако, газета ни разу не подвергалась конфискации, и редактор ни разу не был оштрафован и даже не посажен в Кресты.

Можно смело сказать, что во время „Курантов“ газетные работники пользовались полнейшей свободой слова.

Это был лучший период периодической русской печати.

Народ роптал.

X.

Науки и искусства.

От наук и искусств милосердный Бог спас допетровскую благочестивую Русь.

Географией интересовались только извозчики. Историей... тоже извозчики.

Люди высших классов считали ниже своего достоинства заниматься науками.

Искусством ведали уличные мальчишки—лепили из снега весьма замысловатые фигуры и рисовали на заборах углем не хуже других.

К литературе русский народ спокон веков чувствовал призвание, и при Петре литература, хотя и устная, сильно процветала.

Народ-творец изливал свою душу в лирических произведениях, хватавших за душу как русских, так и иностранцев.

Некоторые из этих элегий дошли до нас. Одна из них начиналась так:

„Не тяни меня за ногу,
„Ай Дид! Ой Ладо!
„Из-под тепленькой перины,
„Ай Дид! Ой, Ладо!“

Из прозаических сочинений к нам дошли превосходные сказки, в которых говорилось о первой русской авиаторше Бабе-Яге, летавшей на аппарате, который был тяжелее воздуха—в ступе.

Петру все это показалось мало.

— Народу много,—сказал он,—а науки мало! Вы бы поучились немножко.

Он начал с министров, усадив за азбуку. Министры плакали и не хотели учиться.

Петр колотил их дубинкой и в короткое время достиг неслыханных разультатов—почти все министры всего в два-три года научились читать и писать.

Петр наградил их за это чинами и титулами, и только

тогда они поняли, что корень ученья горек, а плоды его сладки.

К концу царствования Петра почти не было ни одного придворного генерала, который подписывался бы крестом.

В его же царствование был заложен первый камень русской письменной словесности—по приказу Петра был поэт рожден—Вячеслав Иванов, прославившийся в то время под фамилией Тредьяковский.

Об искусстве также много заботился Петр.

Народ, видя это, втихомолку плакал с горя и горячо молился об избавлении от науки, искусства и литературы Святой Руси.

В то время народ русский еще пребывал в истинном благочестии...

XI.

Сотрудники Петра.

Сотрудников себе Петр выбирал долго, но, выбрав, не вешал их зря, а заставлял заниматься делом.

В первые годы своего царствования он окружил себя сотрудниками из бояр.

Но, когда последним обрили бороды, Петр увидел, что они для службы России непригодны, и принялся выбирать сотрудников из простых людей.

Бояре также не были довольны царем. В особенности им не понравилось то, что молодой царь колотил их дубинкой.

— Сколько на свете Русь стоит,—ворчали бояре,—нас били батогами, а Петр дубинку завел. Обидно.

И патриотическое сердце бояр так страдало, что даже плаха не утешала их.

— Ты раньше постегай,—говорили они,—а потом казни! А то дубинкой... Что мы —англичане, либо французы, чтобы нас дубинкой били. Ты нам батоги подавай...

Среди сановников, выбранных из простого народа, выделился Меньшиков.

Петр взял его за то, что пирогами торговал.

— Хоть пирогами торговать умеет! — сказал Петр: — А бояре даже этого не умеют.

Меньшикову сановничье ремесло показалось гораздо более выгодным, чем ремесло пирожника, и он ревностно принялся за новое дело.

Видя, что опыт с Меньшиковым удался, Петр еще больше налег на простой народ. Каждого нового кандидата в сановники Петр спрашивал:

— Из бояр?

И если спрошенный отвечал утвердительно, Петр говорил ему:

—Ступай, брат, откуда пришел. Мне белоручек не надо.

Когда же кандидат отвечал отрицательно, Петр приближал его к себе и давал работу.

Впоследствии много графов и князей переодевались простолюдинами и поступали на службу к Петру.

Когда обман обнаруживался, Петр не сердился.

Так под видом рабочих поступили в сановники к Петру князья Долгорукие, Шереметевы, Толстые, Брюс и другие.

Меньшиков на склоне лет своих заскучал по ремеслу пирожника, и однажды у него блеснула мысль:

— Чем Россия не пирог?

И он потихонечку стал продавать этот сладкий пирог..

Среди остальных сотрудников нашлись подражатели Меньшикову.

Петр вешал понемногу „пирожников", но даже эта крайняя мера редко исправляла их.

Считать Россию пирогом и продавать ее тайно по частям сделалось второй натурой у многих почти до наших дней.

XII.

Царь-плотник.

Петр Великий часто ездил за границу.

Вечно озабоченый государственными делами, он однажды в Саардаме дал пощечину одному честному голландцу.

Жители Саардама еще до сих пор гордятся той исторической пощечиной и задирают нос перед жителями остальных голландских городов.

—Мы не какие-нибудь,—говорят с гордостью саардамцы. —Сам Петр Великий избрал для пощечины физиономию одного из наших граждан.

Осчастливив саардамцев, Петр уехал в Амстердам, где стал учиться плотничьему искусству.

Теша бревна, он неоднократно думал:

— Вот так обтешу я боярина.

Впоследствии Петр должен был сознаться, что обтесать бревно гораздо легче, чем обтесать боярина...

Все-таки до конца жизни Петр не выпустил из своих мозолистых царственных рук топора и рубанка...

И до конца своей жизни он остался великим „Царем-плотником“...

XIII

Умер Петр, простудившись при спасении утопающих солдат.

Великий мореплаватель не утонул, спасая солдат. Только через двести лет потопил его скульптор Беренштам своим памятником на Сенатской площади...

Русь сильно была двинута вперед могучей рукой великана.

Но... Но не все было сделано.

Петр застал Русь бородатою и оставил ее взлохмаченной.

Преемники Петра.

I.

До Екатерины Второй преемники Петра были отчасти похожи на редакторов газет при царском строе.

Подписывался редактором один, а редактировал другой.

После Петра была провозглашена императрицей Екатерина Первая.

Царствовал Меньшиков.

После Екатерины Первой взошел на престол малолетний Петр Второй.

Царствовали Меньшиков, а потом Долгорукие.

Петр II умер. Была коронована Анна Иоанновна.

Царствовал Бирон.

Анну Иоанновну сменила Анна Леопольдовна.

Царствовал Остерман.

Анна Леопольдовна была свергнута Елизаветой Петровной.

Царствовал Лесток, а потом Разумовский.

После Елизаветы на престол взошел Петр Третий.

Царствовали все, кто жил при Петре и кому только было не лень.

Вельможи делились на две партии: 1) ссылающих и 2) ссылаемых в Сибирь.

Очень часто в одну ночь ссылающие переходили в партию ссылаемых, и наоборот.

Меньшиков ссылал, ссылал, пока нечаянно не был сослан в Сибирь Долгорукими.

Долгоруких сослали в страну, куда Макар телят не гонял.

Бирона сослал Миних, хотя он сам был немец.

Миниха сослал Лесток.

Лестока сослал перешедший из партии ссылаемых в партию ссылающих Бестужев-Рюмин.

У самых сильных вельмож чемоданы были постоянно завязаны на случай неожиданной ссылки.

Летом в самую сильную жару шубы и валенки в домах временщиков не прятались далеко.

— В Сибири и летом холодно!—говорили вольможи.

Сделавшись временщиком, сановник старался как можно больше ссылать в Сибирь народу.

Делалось это не от злости, а от практичности ума. Каждый временщик думал:

— Чем больше сошлю в Сибирь вельмож, тем веселее мне там потом будет.

Так понемногу стала заселяться Сибирь.

Пионерами в Сибири оказались временщики, что дало повод тогдашним острякам острить:

— Как видите, и временщики могут на что-нибудь пригодиться...

II.

Екатерина Великая.

При дворе Екатерины человек начинался с орла.

Каждый генерал, каждый придворный был орлом. Так они и вошли в историю под сборным псевдонимом „Екатерининские Орлы".

Главный орел был близорук и прославился тем, что он постоянно грыз ногти. Звали его „князь Потемкин Таврический".

„Таврическим" его прозвали за то, что он жил в Таврическом дворце на Шпалерной, где теперь помещается Государственная Дума.

Происходил Потемкин из очень бедной семьи, что его и выдвинуло.

Как орел, он любил иногда питаться живой кровью, но живой крови уж почти не было на святой Руси: Бирон последнюю выпил...

Сама Екатерина обладала недюжинным литературным талантом и при более счастливых условиях она сделала бы блестящую карьеру писательницы.

Но для блага страны она не пошла по усыпанному розами пути писателей, а избрала путь другой.

Однако, всю жизнь императрица любила читать и знала современную ей литературу лучше любого нынешнего критика.

Любви у Екатерины к литературе способствовало много то обстоятельство, что в ее время не писали Гордин, Годино Цензор и другие.

Ведь известно, что один Годин все стадо портит...

В свободное от государственных и прочих дел время Екатерина писала повести, комедии и шутливые фельетоны.

Но, благодаря тогдашней цензуре, произведения Екатерины Великой не могли увидеть свет и были только напечатаны лет пятнадцать тому назад, когда цензура временно стала немного либеральнее.

Сочинениями Екатерины Великой и была вызвана известная эпиграмма А. Измайлова:

„Портят язык наш профессоры; им помогает газетчик".

„Горе, когда он еврей, немец иль чех".

Блюститель порядка в литературе этим хотел напомнить что писательница Екатерина была вначале немецкой принцессой...

Кроме литературы Екатерина Великая еще вела весьма удачные войны с турками и не менее удачно устраивала внутренние дела.

III.

Первые законодатели.

С самого начала своего царствования Екатерина принялась за проект нового государственного устройства.

— Созову народных представителей! —решила Екатерина: Пусть сам народ решит, как ему лучше жить.

Стали созывать законодательную комиссию из народных представителей.

Жены с воплем провожали своих мужей в Петербург.

— В законодатели беру-у-ут!—выли жены.—И на кого ты покинул нас, сиротинушек!

Старики молитвенно шептали:

— Дай вам Бог отбыть законодательскую повинность благополучно!

Депутаты прибыли в Москву и были невероятно удивлены что их не бьют и не сажают в крепость.

Наоборот, императрица приказала оказать им ласковый прием и посадила их не в тюрьму, а в Грановитую Палату.

Императрица выработала „Наказ", в котором депутатам предлагалось выработать законы.

Депутаты горячо принялись за дело и с утра до ночи и, наконец, заявили:

— Кончили.

Обрадованная Екатерина спросила:

— Что сделали?

Депутаты заявили:

— Много сделали, матушка государыня! Во-первых, постановили поднести тебе титул „Мудрая"...

Екатерина была изумлена.

— А законы?

— Законы? Что-ж, законы. Законы не волк, в лес не убегут. А если убегут, тем лучше. Пусть живут волки и медведи по закону...

Подавив досаду, Екатерина спросила снова:

— Что еще сделали?

— Постановили, матушка государыня, поднести тебе еще один титул, „Великая".

Екатерина нервно прервала их:

— А крепостное право уничтожили?

— Крепостное право!—ответили депутаты:—Зачем торопиться? Мужички подождут. Им что! Сыты, обуты, выпороты... Подождут.

— Что же вы сделали? Зачем вас созывали?

Депутаты важно погладили бороды.

— А сделали мы немало. Работали. Матушка государыня. И выработали.

— Что выработали?

— Выработали еще один титул для тебя, матушка, „Мать отечества". Каково?

Екатерина увидела, что, чем больше законодательная комиссия будет заседать, тем больше титулов и меньше законов она будет иметь.

— Поезжайте себе домой! — сказала она депутатам: — Поезжайте, Тимошки! Без вас плохо, а с вами еще хуже.

IV.

Губернии и сословия.

В 1775 году Екатерина Великая разделила Русь на губернии.

Сделано это было так:

Собирали несколько сел и заявляли им:

— Отныне вы не села, а города!

Села чесали затылки и мямлили:

— Ишь ты, города! А мы думали, что селами родились, селами помрем.

Но, почесав, сколько полагалось, затылки, села становились городами.

Потом брали немца и назначали его губернатором. Пред от'ездом немцу сообщали:

— Будете править губернией!

Немец не возражал. Наоборот, он кивал головой и с достоинством отвечал:

— Гут! Мой с малый лет на губернатор ушился... Буду хорош губернатор.

В новых губерниях разделили народ на три сословия, при чем строго придерживались брючного и сапожного ценза.

У кого были сапоги и брюки, тот был зачислен в купеческое сословие.

Тот, кто имел рваные сапоги, но брюки были целые, попадал в мещанское сословие.

Лица же, которых пальцы сапога просили каши, а брюки были с вентиляцией, составили сословие ремесленников.

Всем трем сословиям была дарована свобода давать взятки четвертому сословию—дворянству...

Последнее сословие в то время составляло и полицию, и

милицию, и юстицию в стране. Давать ему взятки было необходимо...

К счастью, дворяне восемнадцатого века были люди умные и не спускали того, что плыло к ним в руки, и все остальные сословия чувствовали себя сравнительно недурно.

V.

Война с турками.

Много лет Екатерина вела войну с турками.

В сущности воевала только Екатерина. Турки только кричали „Алла! Алла!“ и отступали.

Перед каждой новой войной турецкие полководцы любезно осведомлялись у русских полководцев:

— Какие города хотите у нас отобрать?

Русские называли города.

— А нельзя ли списочек составить?

Русские полководцы составляли список городов, которые собирались взять у турок, и посылали пашам.

Паши прочитывали список и немедленно отдавали приказ своему войску бросать оружие и бежать в паническом страхе.

С турками уже тогда было легче воевать, чем со студенческой демонстрацией.

На студенческих демонстрациях хоть кричат, а турки в большинстве случаев при бегстве не нарушали тишины и спокойствия.

Завоеванные земли Потемкин застраивал деревнями и заселял крестьянами.

С течением времени оказалось, что и деревни и мужички были декоративные...

Деревни ставил Станиславский из Художественного театра, а мужиков играли писатели Чириков, Юшкевич и Дымов.

Поговаривали даже, что и турки, с которыми воевал Потемкин, были декоративные.

Однако, земли, которые были завоеваны при Екатерине были настоящие, сочные и давали прекрасные плоды.

Только впоследствии земля, отнятая у турок Екатериной, стала мстить за себя и заросла сорными травами.

На ней выросли прославившиеся впоследствии черносотенцы, Пуришкевич, Крупенский, Булацель, Синадино и много других растений из семейства „Бессарабцы".

VI.

Сподвижники Екатерины.

Все сподвижники Екатерины были очень талантливы от мала до велика.

В первые годы царствования Екатерины был очень популярен Григорий Орлов.

Это был великий государственный ум. Он одной рукой поднимал тяжелую придворную карету.

Брат Григория Орлова, Алексей был блестящий дипломат. Он одной рукой мог удержать на месте четверку лошадей.

Все-таки удержать своего влияния при дворе он не мог, и вскоре его власть перешла к Потемкину.

Последним орленышем был граф Зубов, прославившийся тем, что никакими талантами не обладал.

— Это у нас фамильное!—заговорил не без надменности молодой орленыш:—Мы, Зубовы, выше таланта.

Больше всех из „Екатерининских орлов" прославился Суворов.

Между Суворовым и другими полководцами была существенная разница.

Суворов был чудаком в мирное время и героем на войне

Остальные же были героями в мирное время и чудаками на войне.

Суворов отлично пел петухом, а этого даже Наполеон делать не умел.

Однажды суворовское „кукареку" разбило на голову неприятеля, спасло наше войско от позорного поражения.

Произошло это следующим образом.

Атакуя неприятеля, Суворов заметил, что его армия втрое больше нашей.

Не надеясь на победу, Суворов подлетел верхом к самому носу неприятеля и запел „кукареку".

Неприятельское войско остановилось и заспорило.

— Это петух, назначенный генералом!—кричали одни.

— Нет, это генерал, назначенный петухом! – спорили другие.

А пока они спорили, Суворов велел перевязать всех и взять в плен.

И еще был один орел, судьба которого была весьма печальна: он писал оды.

Питаясь мертвечиной, сей орел жил долго и кончил дни свои почти трагически—министром народного просвещения.

Имя этого орла, иногда парившего под облаками, иногда пресмыкавшегося на земле, было Державин.

VII.

Наука, искусство и литература.

При Екатерине наука и искусство сильно подвинулись вперед.

Был изобретен самовар.

По изобретении его, немцы пожелали перенять устройство самовара, но никак не могли дойти до этого.

Напрасно иностранные правительства приказывали своим послам в России:

— Во что бы то ни стало узнайте секрет приготовления самовара!

Как послы ни старались, ничего не могли добиться. Русские хранили строго эту тайну.

Потом были усовершенствованы кнут и дуга.

Было много художников, скульпторов, рисовавших и лепивших во много раз лучше нынешних.

К сожалению, ни имена этих великих людей, ни их великие творения не дошли до нас.

Громадные успехи сделала литература. Все писали. Профессора, генералы, молодые офицеры сочиняли стихи и прозу.

Лучшими русскими писателями были Вольтер и Жан-Жак Руссо.

Лучшими русскими поэтами были Виргилий и Пиндар.

Все остальные: Ломоносов, Сумароков, Фон-Визин и другие постоянно подражали им.

Самым выгодным ремеслом в литературе было писать оды.

Этот благородный род поэзии не только хорошо кормил, одевал и обувал поэтов, но и в чины производил.

Одописцы блаженствовали, но и другие писатели также процветали.

Вообще, все процветало.

Павел I.

Павел Первый не любил шуток.

Несколько дней после восшествия на престол он отдал команду:

— Россия, стройся!

Не все были подготовлены к этой команде, и, естественно, произошла заминка.

Павел рассердился и отдал своему любимому генералу, Аракчееву приказ:

— Отправить Россию в Сибирь!

Стали отправлять партиями в Сибирь.

Но Россия уж тогда была очень многолюдна, и, сколько ни отправляли народу в Сибирь, еще оставалось немало его в Москве, Петербурге и в других городах.

Аракчеев прекратил высылку в Сибирь.

— Лучше сдадим всех в солдаты!—посоветовал он Павлу:— Пусть маршируют!

Павел дал свое согласие, и Аракчеев стал обучать Россию маршировке.

Но прежде, чем Русь научилась маршировать и ходить в ногу, Павел Первый скончался, с помощью своего любимого сына и любимцев-царедворцев, и на престол вступил Александр Первый.

Отечественная война.

I.

Нашествие Наполеона.

После мирной кончины Павла Первого на престол взошел Александр Первый.

Это сильно обидело Наполеона.

— Я не могу допустить,—заявил он,—чтобы на одном земном шаре были два первых государя. Или я, или Александр.

Наполеон приказал французам одеться и пойти на Москву.

Французы неохотно одевались. Застегивая пальто, они ворчали:

— Зачем нам Москва? Нам и дома хорошо. Сыты, одеты, обуты: каждый из нас француженку на содержании имеет... Чего еще недостает?

Но Наполеон был непреклонен.

— В Москву!—резко приказал он:—Вы не видите, что сорок веков смотрят на нас.

— Ну, и пусть смотрят!—резонно заметили французы:—Если им, векам, это доставляет удовольствие, то и пусть... Нам не жалко.

Французы решительно сели. Видя, что дело плохо, Наполеон крукнул:

— Барабанщики, вперед!

Вышли барабанщики и забарабанили поход. Французы дрогнули и пустились в путь.

Как Наполеон ни скрывал своего намерения напасть на Россию, но, лишь только он перешел русскую границу, в Петербурге узнали об этом.

Народ русский вскипел.

— Как!—загремели по России негодующие голоса:—Какие-

то французишки смеют итти на нас войной! Да мы их шапками закидаем.

Шапки страшно вздорожали в один день. Все патриоты спешили накупить себе шапок для закидывания ими французов.

Александр собрал двести тысяч солдат и разделил их поровну между двумя генералами, грузином и немцем.

Но вышло разногласие между генералами. Пылкий грузин, защищенный при этом спереди большим грузинским носом, рвался вперед, а холодный немец приказывал отступать.

Тогда Александр назначил главнокомандующим русского князя Кутузова.

Приехав в армию, Кутузов с изумлением заметил:

— Разве с такими молодцами можно отступать?

Но приказал продолжать отступление.

II.

Бородино.

„Но вот нашли большое поле"!..

Поле это называлось село Бородино.

Кутузов построил свою армию с таким расчетом, чтобы французы потерпели поражение.

Наполеону не удалось так удачно построить своих французов.

Он, по обыкновению, конечно, если Иловайский не врет, устремил свои главные силы на то, чтобы прорвать наш центр, а нужно было сделать наоборот.

Наполеону нужно было устремить свои главные силы на то, чтобы прорвать свой собственный центр.

Прорвав себе центр, Наполеон должен был сесть на левое крыло и улететь в Париж.

Но император французов продолжал делать ошибку за ошибкой.

Кутузов же ошибок делать не желал, а приказывал только стрелять.

Это очень огорчало Наполеона.

— Некультурная нация!—жаловался он своим генералам:— Я их завоевать хочу, а они стреляют.

Обратившись к маршалу Даву, Наполеон предложил:

— Ты бы их подавил немного.

Но Даву отрицательно покачал головой.

— Пробовал давить, ваше величество, да они не даются. Непонимающий народ.

— Эх, — покачал головой Наполеон, — не Даву ты после этого, а удавленник...

После десятичасового рукопашного боя атаки прекратились. Стреляли только из пушек.

К вечеру, одержав победу, Кутузов отступил.

Побежденные французы с горя заняли Москву.

III.

Пожар Москвы.

Генерал-губернатором в Москве был в то время граф Растопчин.

Предвидя пожар Москвы, он не растерялся.

Перед французами и перед приходом их, как прокламациями, так и личным примером воодушевлял жителей московских.

— Ополчимся против врага! — взывал граф: — Хорошо с топором, недурно с рогатиной, а всего лучше вилы тройчатки: француз не тяжеле снопа аржаного.

— Что верно, то верно! — отвечали москвичи: — Француз не тяжеле снопа аржаного. Може даже легче...

— И наверное легче.

— Только...

— Что только?...

— Только аржаной сноп не стреляет, а французишка, он хитрый. Ты его по благородному на вилы-тройчатки, а он по-свински бац в тебя из ружья.

Граф Растопчин горячо доказывал, что, наоборот, аржа-

ной сноп стреляет, а француз даже любит, когда его поднимают на вилы-тройчатки.

Однако, в день вступления в Москву французов, граф переменил свои взгляды и вместе со всеми прочими оставил Москву.

— Мы их выкурим!—сказал он многозначительно, покидая Первопрестольную: – Огонь действительнее вилы-тройчатки...

И начались пожары. Французам стало жарко. Они сняли с себя платье и в дезабилье вышли на улицу.

Не успели они сделать пяти шагов, как стукнул мороз и уложил на месте добрую половину французов.

Оставшиеся в живых еле добежали до своих квартир и, наскоро одевшись, попросили есть.

Но, увы! Тут оказалось, что русские, уезжая, забрали с собой весь хлеб.

Осталось одно сено, но не было между французами вегетарианца, чтобы он мог сварить им из сена бульон, курицу и компот.

И половина оставшихся в живых французов в тот же день умерла мучительной голодной смертью.

— Бежать!—молнией пронеслось по всему французскому лагерю.

— Бежать! Бежать!

Тот, кто первый произнес это спасительное слово, был тут же произведен в маршалы великим и благодарным Наполеоном.

IV.

Бегство французов.

Французы в бегстве показали большую сметку.

Впереди всех был Наполеон. Для скорости он бежал на лыжах. Остальные бежали пешком.

— Ишь прыткие!—удивлялись наши мужички:—как ловко бегут! Только пятки сверкают. Сейчас видно, что грамотные.

Наши войска преследовали французов по пятам и полегоньку поколачивали.

У реки Березины казаки чуть-чуть не взяли в плен самого Наполеона.

Один казак уже схватил было за фалды самого Наполеона, но Наполеон навострил лыжи и ушел от казака.

Говорят, что спасеньем своим у реки Березины император обязан петуху.

Было это так.

Когда казаки уже совсем было настигли французов у Березины, кто-то из французов увидал впереди петуха и закричал:

— Братцы, пища!—

У неевших уже более месяца французов силы удесятерились, и они быстрее лани помчались за петухом.

Расстояние между ними и казаками сразу увеличилось, и таким образом французы спаслись от плена.

Вот почему у французов до нынешнего дня петухи пользуются большим почетом.

Один из виднейших французских поэтов, уже спустя много лет, в честь петуха сочинил пьесу, назвав ее „Шантеклер".

V.

Россия— великая держава.

После нашествия французов, а главным образом, после бегства их, Россия еще больше окрепла и стала одной из самых великих держав в мире.

Галлы же и пришедшие с ними двунадесять язык влачат до сих пор жалкое существование под названием: немцев, итальянцев, французов и т. д.

Год, в котором французы бежали из России в память чудесного от них избавления, назван Двенадцатым.

Николай Первый.

I.

Александр Благословенный умер, оставив после себя вместо детей отшельника Ѳедора Кузьмича. Впоследствии этот отшельник причинил историкам больше хлопот, чем целая дюжина царских детей.

Остались еще, кроме Ѳедора Кузьмича, два брата—Константин и Николай.

Потужил, потужил народ русский и решил:

— Из двух зол надо выбрать наименьшее.

И присягнули меньшому брату, Николаю.

По обычаю русских православных царей, отцов своего народа, Николай Первый в день своего восшествия на престол несколько сот человек расстрелял, несколько сот повесил и несколько сот сослал в сибирские рудники.

Совершив это, он вознес хвалу Господу, взошел на трон своих прародителей и стал править русской землей.

Николай Павлович, как все русские императоры, любил безумно свой народ и вечно думал о его благе.

Начал он свое царствовавие с издания Свода Законов.

До Николая на Руси жили просто, без затей, и в законах особой нужды не имели.

Бывало, совершит человек преступление, и сейчас сам к воеводе:

— Так и так, господин воевода, купца ограбил.

— Богатого?

— Знамо, богатого. Чего бедного тревожить?

— Убил?

— Нет, господин воевода! Зачем убивать зря? Добровольно все отдал.

— Молодец! Дай половину!

Грабитель честно отдавал половину, после чего воевода посылал за купцом. Происходил такой разговор:

— Ограбили тебя?

Купец становился на колени.

— Прости, благодетель, ограбили.

— А ты почему не заявил?

Ограбленный купец лез в карман, вынимал кошель, молча со вздохом принимался отсчитывать деньги и подавал их воеводе.

— Мало!—обычно говорил воевода.

Купец добавлял. Воевода отпускал его и посылал за грабителем.

— Получил?—спрашивал грабитель.

— Получил.

— Дай половину!

Воевода честно делился с грабителем.

Николай Первый решил коренным образом реформировать правосудие.

— В грабежном деле,—заявил он,—ответственным должен быть не только ограбленный, но и грабитель.

С этого дня судьи (воевод уже не было) стали получать взятки с обеих сторон, что, само собой разумеется, было справедливее.

Составлять законы было поручено Сперанскому. Собрал он все законы в одно место и написал:

— Здесь останавливаца воспрещаеца. Здесь законы.

С тех пор российские судьи и российские граждане старались обходить это место. Пробирались мимо—сторонкой, сторонкой.

„Обходить закон“ стало сначала привычкой, а потом и обычаем и даже „древним обычаем“.

II.

Внутренняя политика.

Из самых благодетельных учреждений императора Николая Павловича на первом месте стоит Третье отделение.

О возникновении этого отделения существует следующее предание.

Однажды царь Николай сидел грустный в своем дворце. Никто не понимал причины его грусти.

Все, кажется, шло хорошо.

Декабристы весело коротали время в сибирских острогах под бдительным оком ласкового начальства.

Еще только вчера царь очень веселился, присутствуя при том, как проводили сквозь строй одного солдата.

При этом монарх даже изволил пофилософствовать. Глядя на окровавленную спину наказуемого солдата, он произнес:

— Как жаль, что у солдата одна спина и такая тоненькая шкура. С одного удара лопается.

И вдруг такая грусть. Отчего? По какой причине?

Вдруг царь вздохнул и сказал:

— Много слез на Руси.

Шопот прошел по залу. Придворные зашептались:

— Какое чудное сердце!

— Какой великодушный монарх!

— Какая великая душа!

Придворные шептались громко, чтобы услышал царь...

Последний, наконец, сказал:

— Хочу, чтобы в моей стране никто не плакал! Если же какой-нибудь мерзавец у меня посмеет плакать...

Тут царь прервал свою фразу и, подумав немного, изрек

— Учреждаю новое отделение по вытиранию слез. Будет оно называться „Третьим отделением". Бенкендорф!

Вышел вперед впоследствии знаменитый граф Бенкендорф. Царь вынул из кармана носовой платок, подал его Бенкендорфу и сказал:

— Утирай слезы моим подданным! Ты будешь начальником нового отделения.

На следующий день Бенкендорф явился к царю с докладом.

— Утер слезы?—спросил Государь.

— Утер, ваше величество.

— Никто больше не плачет?

— Никто, ваше величество.

Царь задумался, потом лукаво посмотрел на Бенкендорфа и произнес:

— Если нет слез, то и нечего утирать, а если нечего утирать, то не надо и Третьего отделения...

Бенкендорф смутился.

— Ваше величество!—начал он:—Сегодня нет слез, а завтра могут быть; народ у нас преподлейший. Как будто смеется, а чуть отвернешься—плачет.

— Хорошо! Хорошо!—сказал царь:—Я вижу, что ты умный человек. Действуй!

И Бенкендорф стал действовать.

Одной рукой вызывал слезы, а второй утирал их.

После „утирания“ многие остались без глаз, что было еще лучше. Без глаз, ведь, не заплачешь.

Николай Павлович был очень доволен как действием Третьего отделения, так и понятливостью Бенкендорфа.

Впоследствии графу Бенкендорфу был подчинен и российский Парнас.

При Николае Павловиче стали процветать на Руси литература и искусство.

Заметив этот беспорядок, царь призвал Бенкендорфа и приказал:

— Обрати внимание!

— Слушаюсь!

— Кто главный из тех, что пишут?

Бенкендорф сообщил:

— Черненький есть такой, из африканцев, и фамилия у него такая страшная, огнестрельная.

— Какая, говоришь, фамилия?

— Огнестрельная, ваше величество. Пушкин его фамилия. Сам маленький, маленький, а стихи пишет.

— Это главный?

— Главный, ваше величество.

— А еще кто есть?

— Малоросс один, Гоголем называется, хотя и настоящая его фамилия Яновский. Да еще вот Дельвиг барон.

— Барон, а пишет! Не ожидал я, чтобы барон занимался такими делами. Русский?

— Из немцев, как будто.

— Что же это такое? То африканец, то малоросс, то немец. Последи! В особенности за этим, за африканцем. Как бишь его?

— Пушкин.

— Вот за этим-то и последи!

Бенкендорф последил, и славный император Николай Павлович пережил почти всех поэтов и писателей своего времени.

Он пережил Пушкина (был убит), Лермонтова (был убит), Гоголя (сошел с ума), Грибоедова (был убит) и многих других.

Сам Николай Павлович никого из поэтов не убивал, и Бенкендорф никого не убивал.

Они только знали, кого кем окружить, кого куда послать и какую вокруг кого создать атмосферу.

Остальное уже делалось само собой...

III.

Внешняя политика.

Цари российские всегда всякую победу над врагом внешним приписывали своему счастью, своему гению и своему уменью организовать победу.

После всякой удачной войны цари, говоря языком вульгарным, невероятно „хамели“ и так высоко задирали нос, что „верноподданные“ опасались:

— Не улетел бы на небо высочайший и августейший нос.

Естественно, что после побед над Наполеоном российские самодержцы сразу положили ноги на стол.

При Николае Россия очень напоминала стоявшего на перекрестке и следящего за порядком городового.

Немножко подвыпивший, гордый своим положением и званием, красноносый городовой выпучил глаза, в которых застыл вопрос:

— Кого бить? Кого тащить в участок?

Николай также стоял на перекрестке Европы и, бешено вращая белками, спрашивал:

— Кого бить?

Европа по возможности уклонялась от услуг Николая Павловича, и нетрезвому городовому поневоле пришлось „бить" и „тащить" врага внутреннего.

„Били" и „тащили" поляков, евреев. Но больше всех „били" и „тащили" крестьян и солдат.

Но вот однажды с Запада послышался крик:

— Горрродовой!.. Горрродовой!

Встрепенулся Николай Павлович. Засверкали глаза. Забилось сердце.

— Кто зовет на помощь?—спросил царь.

Ему сказали:

— Австрия.

— Против кого? Против врага внешнего? Тогда надо подумать.

Но получил в ответ:

— Нет, против врага внутреннего. Народ у него бунтуется. Требует свободы.

— Ах, так! Покажу же я им!

И храбрый Николай двинул свое войско в Австрию на помощь Францу-Иосифу.

Справившись с внутренним врагом Австрии, Николай Павлович снова стал на свой пост.

Недолго пришлось ему стоять без дела. В один прекрасный день пришли греческие люди и принесли жалобу на турок!

— Обижают вас?—спросил Николай.

— Обижают.

— А что дадите за защиту?

Стали торговаться. Николай размышлял:

— Турки народ не очень сильный. Пожалуй, что не сильнее врага внутреннего. Недолго с ним нужно будет возиться. Опять же Константинополь...

Еще задолго до Милюкова русские цари были в вопросе о Константинополе ярыми милюковцами.

При слове „Константинополь“ у русских царей начинала слюнка течь, и, глядя на шапку Мономаха, они с презрением говорили:

—Тоже шапчонка!.. Вот корона византийских императоров—вещь!

И спали, и видели во сне, как поверх короны польской, финляндской, российской, и прочая и прочая и прочая, надета корона византийских императоров.

— Пойду за короной в Константинополь!—решил царь. —И с греков что-нибудь стянуть можно будет.

Николай Павлович об'явил войну Турции.

Но тут случилось непредвиденное обстоятельство.

Наши вечные испытанные друзья англичане решили по-дружески вонзить нам кинжал в спину. То же самое решили сделать французы.

Увидел Николай Первый, что дело плохо, и подумал было:

— Не бросить ли это дело? Бог с ним, с Константинополем, своих столиц немало: Петербург, Москва, Киев, Казань.

Но передумал и решил:

— Авось, победим!

Ему робко говорили:

— Армия плохо вооружена...

— Авось, сойдет!—отвечал Николай.

— Флот дрянной. Куда ему против английского?

— Авось, выдержит!—отвечал Николай.

— Железных дорог нет. Пока войска дойдут до Черного моря...

Но Николай отвечал:

— Авось дойдут.

По обычаю русских царей, Николай назначил главнокомандующим самого бездарного из своих генералов.

Когда этот генерал был разбит, его заменили другим, еще бездарнейшим.

Когда и этот генерал был разбит, Николай, подобно отцу оему Павлу, умер естественной смертью...

Как говорит добрая русская пословица „в Бозе почил".

Историки полагали, что Николай Первый был наихудшим из Николаев, и что хуже такого уж быть не может.

Глупцы! Они не предвидели Николая Второго!..

Николай 2-ой.

Каждый император входит в историю без имени, отчества, без фамилии, но обязательно с какой-нибудь кличкой.

„Иоанн Безземельный“ (земли у него было больше, чем у самого богатого мужика).

Иван Калита (стоял целый день у калитки и обирал прохожих).

Александр Благословенный (папеньку убил с благословения сановников).

Александр Освободитель (освободил мужичков от земли и хлеба.)

И так далее, и так далее.

Из за Николая Второго у историков вышел крупный спор. Одни говорили:

— Николай Глупый—вот лучшее название для последнего русского императора.

Другие говорили:

— Название-то правильное. Можно даже „Глупейший“ Спорить тут трудно. Но почему не Николай II Пьяный? По нашему мнению, пьянство у него преобладало над глупостью.

— Что правда, то правда!—вставляли третьи:—Любил выпить полковник, и ума было мало у него. Но никто из государей не пролил столько крови, как он. Надо бы его „Кровавым“ назвать.

Долго спорили. Наконец, кто-то из историков предложил:

— Назовем его „Благосклонным“.

— Почему „Благосклонным“?—удивились все.

— Потому, что „Глупый“, „Пьяный“ и „Кровавый“—слишком шаблонно. Да и всем это известно...

— Но „Благосклонный“ почему?

— Во-первых, потому, что Николай ко всему относился благосклонно, Предлагали выпить, он оставался „неизменно благосклонный“; советовали расстреливать, он был „неизменно благосклонный“; уличали кого-нибудь во взятках или в измене, он оставался „неизменно благосклонный“ к этому лицу. Назовем его „Благосклонным“.

Так и решили. В историю (по крайней мере, в нашу) последний русский император вошел под названием:

— Николай II Благосклонный.

I.

Детство Николая II.

В детстве будущий император проявлял такую глупость, что долгое время трудно было разобрать, мальчик он или девочка.

Только в восемнадцать лет маленький Николай узнал, какая у него рука правая, а какая левая. Когда об этом доложили его родителю Александру Третьему, он радостно сказал:

— Способный мальчишка!

И добавил:

— Для самодержца достаточно! Образование моего сына считаю законченным.

Всех учителей отпустили с наградами, с мундирами и с пенсиями.

Державный родитель после этого пригласил к себе державного сына и сказал ему:

— Теперь пора подумать о будущем. Ты будешь править Россией. Образование ты получил хорошее. Где твоя правая рука?

— Вот!—быстро ответил Николай.

— А правая нога?

Николай засмеялся.

— Мы еще этого не проходили, папочка...

Александр улыбнулся

— Неважно это!—сказал он уверенно.—Не все Романовы это знали. Неважно это, говорю. Ты чем бы хотел теперь позаняться?

— Жениться хочу.

Державный отец опять улыбнулся и сказал:

— Рано. Цари никогда сразу не женятся. Нужно сначала по-иному... Впрочем, мы уже подумали об этом. Мы признали за благо оккупировать для тебя одну балерину.

— Спасибо, папочка.

— Благодарить потом будешь. Завтра тебя познакомят. Ступай!

Так кончилось золотое детство Николая II.

II.

Отроческие годы.

В молитве и труде с любимой балериной провел свои отроческие годы Николай II.

Вставал он рано, в 9—10 часов, и сейчас же принимался за благотворную на благо родины работу.

Выпив два-три бокала шампанского, он шел умываться. Потом пил кофе; потом шел к отцу заниматься государственными делами.

Александр Третий вел простой образ жизни. Пил только водку, закусывая простой российской селедкой, и часто в разговоре употреблял столь простые русские слова, что не только денщики, но и фрейлины краснели.

В кабинете у отца Николай уже заставал министров.

— Вот и мой дурачек пришел!— приветствовал наследника император—прошу любить и жаловать.

Министры кланялись „дурачку".

— Теперь,—приказывал отец,—садись в сторонке, слушай, учись и не мешай.

Докладывал первый министр внутренних дел:

— Во вверенном мне министерстве все обстоит благопо-

лучно, только вчера было накрыто тайное собрание из пяти человек.

— Повесить!—кратко приказывал царь.

Николай слушал и учился, как надо править государством.

После министра внутренних дел выступал с докладом министр народного просвещения:

— Просвещение идет хорошо. Только на-днях несколько студентов...

— Повесить!—приказывал государь.

Николай слушал и учился.

Министр путей сообщения рапортовал:

— Честь имею доложить вашему величеству, что все хорошо в моем министерстве. Только на-днях среди рабочих...

— Повесить!

Наследник слушал и учился.

Обер-прокурор святейшего синода также докладывал:

— Во вверенной мне православной религии все обстоит благополучно. Есть, конечно, атеисты.

— Повесить!—прерывал Александр.

Николай слушал и учился государственной мудрости у отца.

Часто он присутствовал на приеме послов, но ему приказывали в этих случаях молчать и даже не улыбаться.

— У тебя—об'яснял Александр,—даже улыбка выдает отсутствие ума. Ради Бога, не улыбайся! На всю Европу ославят.

Было очень трудно стоять, молчать и даже не улыбаться но делать было нечего.

— Император должен уметь жертвовать собой для блага любезной родины,—думал он,—надо нести свой крест.

В свободные от вышеназванных трудов минуты Николай для блага возлюбленных народа и отечества завтракал, обедал и ужинал.

Завтракал с возлюбленными родителями, обедал с возлюбленной балериной, а ужинать находил за благо где-

нибудь в отдельном кабинете с представительницами свободной Франции, полусвободной Италии и свободной от свободы Испании.

Так жил и работал, будучи наследником престола, бывший император Николай II.

III.

Возмужалость.

Александр Третий жил, пил, вешал, пока не умер.

Перед смертью он позвал наследника и сказал ему.

— Скоро я в Бозе почию... Ты сделаешься царем. Что ж, дело твое маленькое, царствуй...

Николай зарыдал, но умирающий сказал ему:

— Не надо реветь!.. Лучше слушай! Ты уже не маленький, тебе 27 лет. Балерину брось и женись на немке! Это необходимо. Все мы немцы понемножку чему-нибудь и как-нибудь...

Александр хотел продолжать, но смерти надоело ждать, и она тяпнула его своей косой, вследствие чего он и умер.

Николай стал императором.

В тот же день он надел длинные брюки, отрастил себе усы и бороду и крикнул народу русскому:

— Эй вы, посторонитесь, сейчас начну царствовать!

Народ шарахнулся в сторону. Николай стал царствовать

Вскоре женился и короновался.

Коронация была самая пышная в мире. Одних убитых было больше десяти тысяч.

Ни один государь не мог похвастать такими результатами своего коронования.

Многие из коронованных особ с завистью говорили:

— Этот мальчик далеко пойдет! Какое блестящее начало.

— В первый же день больше десяти тысяч человек уложил.

— Какой размах!

Опытные люди качали головами и говорили:

— Оптовиком будет.

— Как так?

— Большими партиями убивать будет. На розничные убийства неохотно пойдет.

Так и случилось. Император Николай любил убивать оптом.

Но об этом речь впереди.

IV.

Первые шаги.

Все знали что Николай II —сын Александра Третьего, но все почему-то думали, что он будет царем либеральным. Рассказывали про него анекдоты либерального характера.

Однажды он, еще будучи наследником престола, собственноручно избил камердинера.

— Не погнушался!—радостно сообщали друг другу российские либералы.—Своей собственной ручкой побил...

— Не гнушается простого народа. Не брезгает.

— Одно слово— либерал!...

В другой раз Николай подал руку какому-то земскому деятелю.

Это тоже произвело хорошее впечатление. И все думали:

— Либеральный будет царь.

Но Николай II с первых же дней заявил своим верноподданным:

— Мой отец наказывал вас бичами, а я буду наказывать скорпионами. Я вам покажу кузькину мать и где раки зимуют.

И, действительно, стал показывать.

В первые дни своего царствования молодой царь заинтересовался университетами.

— Что это за здания?—спросил он однажды министра просвещения.

— Какие здания, ваше величество?

— Вон те, что называются университетами. Что там делают в них?

— Учатся, ваше величество. Приходят юноши, которых называют студентами.

— Студенты?— заинтересовался царь.—Это зачем же они приходят.

— Я уже имел честь докладывать вашему величеству. Они приходят учиться,

Это неприятно поразило юного монарха, и он тут же отдал приказ—часть студентов отдать в солдаты, часть посадить в тюрьмы.

Студенты стали отстреливаться.

Это была первая война, которую вел Николай II.

Боевое счастье улыбалось ему и, несмотря на потери в министрах, довольно часто выбывавших из строя, Николай одерживал победу за победой над своими противниками.

— У меня палачи, слава Богу, без хлеба не сидят,—хвастался Николай.—А спрос на веревки не уменьшается, а увеличивается.

Потом он об'явил войну всем брюнетам своего обширного царства.

— Я блондин,—заявил молодой император,—и я хочу, чтобы в моем царстве все были блондины.

Первое серьезное поражение было нанесено брюнетам в 1901 году в Кишиневе.

Потом следовала победа за победой. И в этой войне, как в войне со студентами, Николай II показал недюжинный талант полководца.

Из всех битв он неизменно выходил победителем.

V.

Война с Японией.

Но не так счастлив был Николай в войнах с врагами внешними.

Первой войной с врагом внешним была война с Японией.

Началась война вот по какому поводу.

Пришел однажды к царю один из придворных и говорит ему:

— Батюшка-царь! Есть одна русская пословица...

— Какая?— спросил царь.

— Очень мудрая пословица. Говорит она: „ что плохо лежит, стало-быть, не запрет“...

— Знаю!—сказал царь.

— И еще есть одна пословица, не менее мудрая. Она гласит: „Дурень дает, а умный берет“.

— И эту пословицу знаю. К чему речь клонишь?

— А речь клоню я к тому, что на Дальнем Востоке есть отличные леса, чудесные рыбные ловли и вообще много богатства.

— Чьи они?

— Корейское все это и китайское. Прикарманим эти богатства, великий государь!

— Чтож, это можно. Прикарманим.

Царь протянул было уже руку за китайскими и корейскими богатствами, но вдруг вскрикнул:

— Ай! Меня кто-то по руке ударил.

Придворные закричали:

— Ах, макашка проклятый! Это он, япошка. Надо его проучить.

— Проучить! Проучить!—закричал царь:— я ему покажу, как бить царя по рукам. Такой „Кишинев“ я им устрою, что долго помнить будут.

Царь об‘явил Японии войну.

VI.

Война.

Собрали полки. Царь сделал им смотр, а потом собрал приближенных своих и спросил;

— Кто самый глупый из вас?

— Я! Я! Я!—послышалось со всех сторон.

— Придется бросить жребий!—решил государь,—а то, действительно, трудно решить, кто из вас глупее.

Бросили жребий. Того, кто вынул жребий, царь подозвал к себе и сказал:

— Само небо указало на тебя, как на глупейшего. Дуракам, говорят, счастье. Веди армию в бой!

Он повел.

О бое полководец прислал телеграмму:

— „Выяснилось, что во время битвы нужно стрелять из пушек. Таков, повидимому, обычай. Пришлите пушки.

Царь приказал послать пушки, но ему сказали:

— Нету пушек, великий государь. Мыши их с'ели.

— А пулеметы?

— Птицы расклевали.

— Пошлите винтовки!

— И винтовок нет. На дождичке лежали и растаяли.

— Что же у нас есть? —спросил государь.

— Иконы есть.

— И отлично. С нами Бог! Пошлите иконы!

Послали несколько поездов с иконами. Увидев, что дело плохо, японцы перешли Ялу, разбили умного полководпа и забрали иконы.

— Пошлите еще!—приказал царь.

Задрожали от страха японцы, кинулись на Ляоян, разбили вторично умного нашего полководца и завладели вторым транспортом икон.

Николай разозлился и приказал самому хитрому из своих министров, Витте, наказать японцев и сослать их на Сахалин.

— Пусть знают, как воевать со мной!—сказал Николай.— Половина Сахалина будет для моих внутренних врагов, половина для внешних. Попомнят меня.

Так и осталось до последнего дня царствования Николая.

Сахалин был разделен на две части. На одной половине жили внутренние враги, вторую половину заняли враги внешние.

VII.

Николай конституционный.

Наказав Японию, царь снова принялся царствовать. Но тут начались какие-то заминки.

Стал как-то собираться народ. Качали головами и стали разговаривать между собой:

— Как будто он того...

— Кто он?

— Да царь-то.

— Что „того“?

— Глуповат как-будто...

— И то правда...

— Нужно бы умного взять...

Проведал про то царь и стал принимать меры. Много людей настрелял, а толку мало.

Чем больше расстреливает, тем больше собираются и говорят.

Однажды к самому дворцу подошли. Натешился тогда в волюшку царь-государь.

Велел пушки выкатить, велел пулеметы навести, велел винтовки зарядить.

И как грянула пальба, сердце запрыгало в царской груди от восторга.

Когда к вечеру подошел к окну, то удивленно спросил:

— Что за озеро здесь? Ведь, тут площадь была.

— Это после вчерашнего дня!—ответили царю.

— Но почему оно красное?

— От крови, государь. Ведь, это кровь.

Захлопал в ладоши царь и приказал перевести с Невы на Дворцовую площадь свой „Штандарт“.

И больше часа „Штандарт“ плавал по дворцовой площади в крови народной...

Царь стоял на палубе и радостно улыбался.

Но после этого случая все больше и больше стал собираться народ. И все больше и больше стали разговаривать между собой.

— Да что, он в самом деле?..

— Не царь, а разбойник...

— Попросту хулиган...

— Одно слово Ванька Каин.

Придворные сказали царю:

— Нужно бы по губам их помазать чем-нибудь.

— Чем же?

— Да там свободишку какую-нибудь дай им! Самоуправление там какое-то или даже Думу Государственную.

— Не много ли будет?

— Если увидишь, что много, отымешь. В своем добре, государь, ты ведь хозяин. Ты дал, ты и отнял. Твоя воля.

Полумал царь и решил:

— Так и быть. Дам им Думу.

Тут же был написан манифест, в котором писалось. „И признали мы за благо дать вам, дуракам, в знак нашего к вам благоволения Государственную Думу. Только смотрите у меня! Впрочем можете радоваться".

На подлинном собственной его императорской рукой было начертано:

— „И благосклонный Николай".

Так Николай Александрович II стал Божией милостью конституционным монархом.

VIII.

Григорий Распутин.

Жил был в Сибири фартовый мужик Григорий, по фамилии Распутин.

Жил он просто, по-мужицки. Пил водку, буйствовал иногда, лез в драку.

Вдруг он стал задумываться. И вдруг решил:

— Буду царем на Руси.

Надел зипун, нахлобучил шапку на уши, взял палку и пошел в Петербург.

Пробрался сначала к царскому камердинеру. Снискал его

расположение. Через камердинера к другому лакею пролез— к камергеру.

От камергера к фрейлине перебрался. От фрейлины —к самой царице. От царицы к царю.

Стал скоро Распутин помогать царю. Царь государством правит, а Распутин правит царицей.

Потом царица стала править царем. И вышло так:

Распутин приказывает царице, царица приказывает царю а царь приказывает министрам.

Стал Распутин помогать царю не только в семейной жизни, но и в государственной.

Приказывал царю об'являть войну, усмирять мятежников.

Любил Распутин целовать фрейлин и ходить в баню...

В бане он сменял архиереев, назначал министров.

По словам очевидцев, Распутин в бане решал самые сложные государственные дела. Происходили такие разговоры:

— Эй, ты, Аннушка, потри меня губкой по спинке! Да кстати не забудь сказать завтра Сане (царице), чтобы назначили Ваньку министром юстиции.

— Послушай, графинюшка, не старайся так, видишь: мыло течет уж очень больно. Да вот что. Про Степку сказала вчера Саньке: что приказал его в товарищи министра произвести? Забыла? Так вот же я тебя веником за это.

Пил Распутин очень много, и водки, и шампанского, и ликеров, но умер от воды.

Его нашли в проруби мертвым...

Для верности, прежде, чем опустить в воду грешное тело его, всадили несколько пуль в распутинский живот.

Вода не приняла Распутина. С почестями похоронили его в Царском Селе.

Но и земля не приняла его тела.

Вскоре его выкопали из земли и сожгли, а прах развеяли на ветру.

Так поступили с Гришкой Отрепьевым в начале царствования Романовых.

Такая же участь постигла другого Гришку, Гришку Распутина, в конце царствования Романовых.

IX.

Великая война.

Тут перо юмориста выпадает из рук.

Слишком велико горе, чтобы позволить себе улыбаться...

Слишком кровоточащи раны, нанесенные и наносимые еще человечеству.

Мимо! мимо!

Тут не до смеха. Тут море крови и океан слез.

Мимо! Мимо!

Не до смеха у трупа матери. Не до улыбок, когда стоишь у могилы сына.

Мимо!

X.

Без царя.

25 февраля 1917 года прибыл в Петроград с фронта величайший в мире социал-демократ товарищ Голод.

Привел он с собой двух братьев своих:

Имя первого было—Гнев.

Имя второго—Возмущение.

Взяли братья царский трон, подняли и, что было мочи встряхнули его.

Слетел с трона царь. Слетела с головы его корона. Полетели за ним все те, что держались за ножки трона.

В марте царь написал свой последний манифест.

„Отрекаюсь,—писал царь,—от престола за себя и за сына. Буду садовником или лошадь куплю, извозничать буду".

И по привычке под отречением подписал:

„И благосклонный Николай".

Жила Русь триста лет с царем в стране и без царя в голове.

Теперь, даст Бог, будет наоборот.

Заживет Русь без царя в стране и с царем в голове...

Оглавление.

	Стр.
Начало Руси	3
Монгольское иго	23
Московское княжество	34
Иван Грозный	39
Смутное время	50
Малороссия	59
Русь—Империя	62
Преемники Петра	71
Отечественная война	86
Николай Первый	91
Николай Второй	99

Издательский Кооператив „КНИГОПЕЧАТНИК“

Редакция, контора и склад изданий: Москва, Тверская 38. Тел. 3-44-83.

Вышли из печати:

Н. Н. Лернер.—Николай I-й (историч. пьеса в 9 картинах).

Дочь Мадам Анго.—(Репертуар Московск. Художеств. Театра). Стихотворный текст в переводе С. ФРИДА.

Отрывки: I. Романс.
II. Вальс.
III. Политическая песенка.
IV. Легенда о матери Анго.

РЕПЕРТУАР:

1. Жених из долгового отделения.
2. Теща в дом—все вверх дном.
3. Щекотливое поручение.
4. Верочкин секрет.
5. Из любви к искусству.
6. Виц-мундир.
7. Бедовая бабушка.
8. Вспышка у домашнего очага.
9. По памятной книжке.
10. Герой нашего времени.

НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ:

Проф. Ключанского —Гремучий газ в рудниках. Учебное пособие и руководство для горнорабочих и учащихся.

МОСКОВСКАЯ ГРАФИКА:

В целях популяризации, как гравюры на дереве, так и художественной литографии, „**КНИГОПЕЧАТНИК**“ выпускает целый ряд **АЛЬБОМОВ**, исполненных гравюрой на дереве и линолеуме, автолитографией и меццо-тинто работ отдельных художников.

ПЕЧАТАЮТСЯ И В ПЕРВЫХ ЧИСЛАХ МАЯ ВЫХОДЯТ В СВЕТ:

М. А. Доброва.—Виды Парижа (меццо-тинто).
Русский пейзаж (меццо-тинто).

А. И. Кравченко.— Экслибрис (гравюры).

И. Н. Павлова.—Уходящая Москва (гравюры).

В. И. Соколова.—Сергиев Посад, Старая Москва } (автолитография).

В. Д. Фалилеева.—Дожди (меццо-тинто) и др.

С заказами обращаться в склад издания.

М-14
1-50
9593/54

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КНИГОПЕЧАТНИК

Издательский Кооператив „КНИГОПЕЧАТНИК“

Редакция, контора и склад издания: Москва, Тверская 38. Тел. 3-44-83.